

САМАЯ ОЖИДАЕМАЯ КНИГА ГОДА!

#YoungFantasy

Мелисса Алберт

Ореховый лес

«АСТ»

2018

УДК 821.111-31 (73)
ББК 84(7Coe)-44

Алберт М.

Ореховый лес / М. Алберт — «АСТ», 2018 — (#YoungFantasy)

ISBN 978-5-17-107141-7

Семнадцатилетняя Алиса провела почти всю свою жизнь в разъездах: словно злой рок преследует их с матерью, заставляя раз за разом искать новый дом. Известие о смерти бабушки, Алтеи Прозерпины, ни разу не видевшей внучку, расстраивает девушку, и одновременно дает надежду: имение «Ореховый лес», перешедшее по наследству ее матери Элле, может стать для них не временным убежищем, а настоящим домом. Но надеждам Алисы не суждено сбыться: кто-то похищает Эллу, пока ее дочь находится в школе. В поисках единственного дорогого ей человека Алисе придется заново открыть старые сказки и себя, а еще – пренебречь последними словами матери: «ДЕРЖИСЬ ПОДАЛЬШЕ ОТ ОРЕХОВОГО ЛЕСА!»

УДК 821.111-31 (73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-107141-7

© Алберт М., 2018

© АСТ, 2018

Содержание

1	6
2	9
3	14
4	22
5	26
6	31
7	35
8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Мелисса Алберт

Ореховый лес

Melissa Albert
The Hazel Wood

Публикуется с разрешения автора и литературных агентств The Book Group и Prava I Prevodi International Literary Agency.

© 2018 by Melissa Albert
© А. Дубинина, перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

10 недель в списке бестселлеров New York Times

Самая ожидаемая книга 2018 года по версии Entertainment Weekly, BuzzFeed, Esquire, Seventeen

У романа «Ореховый лес» странное, в лучшем смысле этого слова, начало и еще более странное продолжение, Альберт легко сочетает современный реализм и фэнтези, размывая их границы и подчеркивая, как встречаются сказки и реальная жизнь, как магия правдива, а реальный мир фальшив, и может случиться все что угодно – особенно на страницах хорошей книги. Это захватывающий дебют.

The New York Times Book Review

Оригинальная и образная сказка: в равной степени захватывающая, очаровательная и проникновенная.

Entertainment Weekly, Best New Books

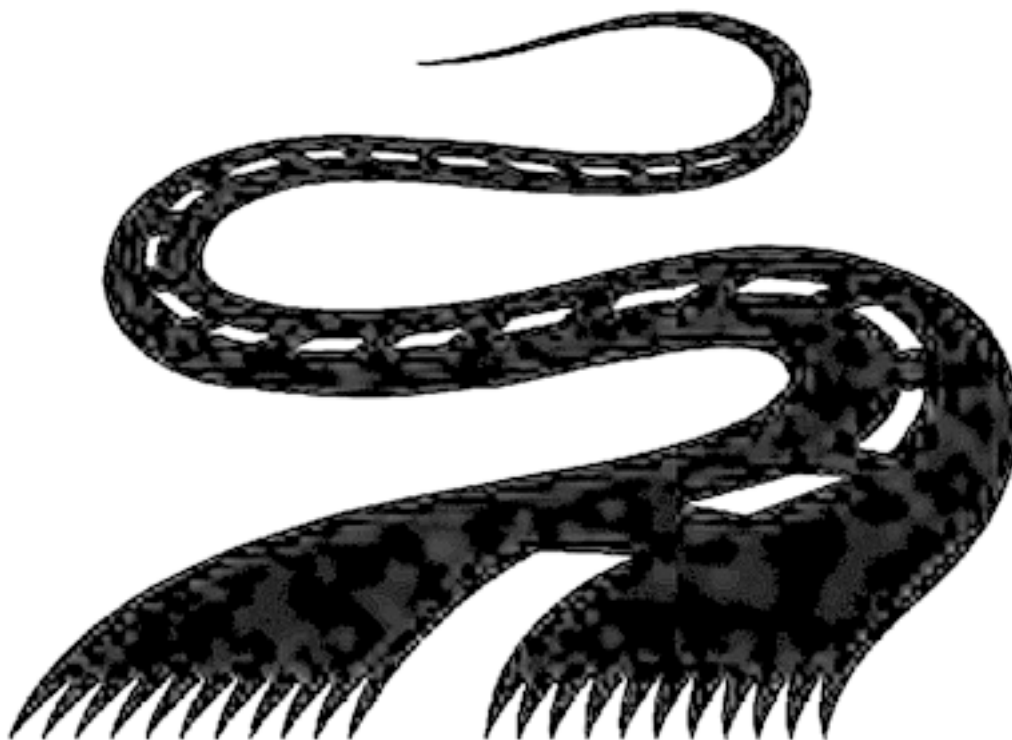
*С любовью и благодарностью посвящается моим родителям,
которые никогда не мешали мне читать.*

*Я вышел в мглистый лес ночной,
Чтоб лоб горячий остудить...*

У. Б. Йейтс, «Песня скитальца Энгуса»¹

¹ Пер. Г. М. Кружкова.

1

Алтея Прозерпина кормит свою дочь волшебными сказками. «Жила-была на белом свете девушка по имени Анна Паркс – одна из множества мечтательниц середины века, в поисках своей судьбы приезжавших в Манхэттен с чемоданчиком, полным надежд. А потом она пропала, и никто не знал, куда она подевалась. Когда же наша героиня наконец объявилась вновь, она снискала себе странную славу: так посмотришь – сияет, а этак – зловеще темнеет. Теперь же она снова удалилась от мира, бежала в дремучий лес, где в доме с башенками уединенно живет с пятилетней дочерью и мужем, членом одной из королевских семей Европы – как видно, сказки по-прежнему не оставляют ее. Я позвонила ей по телефону – ее голос полон тем же обаянием, которым светится ее знаменитая фотография, та самая, с перстнем и сигаретой. Я спросила, можно ли будет поговорить с ней лично, – и ее смех заструился, как обжигающий виски, льющийся на кубики льда. «Если попробуете приехать ко мне, непременно заблудитесь, – уверяет она. – Захватите с собой горсть хлебных крошек и клубок ниток».

Статья «Королева Сопредельных земель»,

Ярмарка тщеславия, 1987

Моя мать была вскормлена волшебными сказками в уединенном особняке, а я выросла на автострадах. Мое самое раннее воспоминание – запах горячего асфальта и клочок неба сквозь откидную крышу машины – живое озерцо синевы. Мама говорит, что я путаю: у нашей машины никогда не было откидной крыши. Но я могу четко увидеть этот образ, едва закрою глаза, так что по-прежнему считаю его правдивым.

Мы пересекли страну из конца в конец не менее сотни раз в своей развалюхе, пропахшей картошкой фри, несвежим кофе и фальшивой клубникой – этот неистребимый запах поселился в машине с того дня, когда я скормила свою детскую помаду «Фея Динь-Динь» вентиляционной решетке обогревателя. Нам приходилось так часто менять дома и окружение, что

я даже не представляла себе, как это – неуверенно чувствовать себя на новом месте, опасаться незнакомцев.

Именно поэтому в шесть лет я спокойно уселась в старый синий «бьюик» рыжеволосого мужчины, которого видела в первый раз, и позволила ему увезти себя – мы провели в дороге целых четырнадцать часов с двумя перерывами на туалет и еще одним – на обед, состоявший из очень вкусных блинчиков. Через четырнадцать часов нас догнала полиция – ее вызвала официантка, которая узнала меня в описании, к тому времени уже передававшемся по радио.

Тогда я и узнала, что рыжий мужчина не был тем, кем он представился, то есть – другом моей бабушки Алтеи, который приехал специально, чтобы отвезти меня к ней. Алтея к тому времени уже скрылась от всех посетителей в своем большом доме, и я никогда ее не видела. У нее не было друзей, только фанаты, и мама объяснила мне, что рыжий мужчина – один из них. Фанат, который хотел использовать меня, чтобы таким образом добраться до моей бабушки.

Когда полицейские убедились, что мне не причинили никакого вреда, и опознали рыжего похитителя как безработного, который угнал машину неподалеку от нашего временного жилья в Юте, мама решила, что больше мы об этом говорить никогда не будем. Она не желала слушать, когда я пыталась ей объяснить, что он был добрый, рассказывал мне интересные сказки и смеялся таким теплым смехом, что я, шестилетка, втайне уверовала, что он на самом деле мой папа, который меня наконец нашел. В участке маме показали этого человека сквозь зеркальное стекло, чтобы он не мог ее разглядеть, и она поклялась, что раньше никогда его не видела.

Несколько лет я отчаянно верила, что он – мой папа. Когда мы после его ареста уехали из Юты и на несколько месяцев поселились в санатории для художников в Темпе, я волновалась, что теперь он не сможет снова меня отыскать.

Но он больше не появлялся. Когда мне исполнилось девять, я осознала истинную сущность моей тайной веры: детская фантазия, не более того. И я оставила ее, как поступала со всем, что переросла: со старыми игрушками, ночными страхами, одеждой, которая больше не подходила. Мы с мамой жили, как бродяги – надолго останавливались у друзей, пока их гостеприимство не начинало трещать по швам, мыкались по временным пристанищам. Мы не могли позволить себе такую роскошь, как ностальгия. У нас не было шансов просто остановиться где-нибудь и устроить себе долгую передышку – вплоть до года, когда мне исполнилось семнадцать. Года, когда Алтея умерла в Ореховом лесу.

Когда Элла, моя мать, получила письмо, по всему ее телу пробежала дрожь. Причем это случилось раньше, чем она распечатала конверт. Конверт был кремово-зеленый, с напечатанным ее именем и нашим тогдашним адресом. Мы приехали в тот дом всего-то предыдущей ночью, и я поразилась, что письмо вообще смогло нас отыскать.

Мама взяла со стола нож для бумаги, сделанный из слоновой кости: мы ведь устроились присматривать за домом богатых людей, которые украшали свои апартаменты кусочками мертвых слонов. Дрожащими руками мама вскрыла конверт. Лак на ее ногтях казался таким красным, будто она порезалась.

Она вытащила письмо на свет, и я различила черные строчки текста, но прочесть его не могла. Элла издала звук, какого я от нее еще не слышала – вздох подавленной боли, от которого у меня замерло сердце. Она так близко поднесла листок к глазам, что зеленый цвет бумаги отбрасывал блик на ее лицо. Она снова и снова перечитывала сообщение, чуть заметно шевеля губами, а потом скомкала письмо и бросила его в мусорную корзину.

Курить в этом доме запрещалось – роскошная квартира в нью-йоркском Верхнем Вест-Сайде пахла чем-то вроде дорогого французского мыла и мокрыми йоркширскими терьерами. Но Элла все равно вытащила из пачки сигарету и прикурила ее от антикварной хрустальной зажигалки. Она втянула дым, как молочный коктейль через соломинку, а пальцы ее свобод-

ной руки крутили тяжелый зеленый камень, который она носила на короткой цепочке между ключицами.

– Моя мать умерла, – выдохнула она и закашлялась.

Новость разорвалась во мне, как глубинная бомба, от эпицентра где-то внутри расходились волны боли. Хотя времена, когда я могла часами мечтать о встрече с Алтеей, давно миновали, и подобное известие вроде бы не должно было меня ранить.

Элла присела передо мной на корточки и положила руки мне на колени. Глаза ее блестели, но оставались сухими.

– Это не... прости, но это не плохая новость. *Совсем* не плохая. Она может все для нас изменить, она может... – она остановилась на половине фразы. Элла уткнулась головой мне в колени и всхлипнула – это был странный одинокий звук родом не отсюда, из каких-то далеких мест, где темные дороги пахнут прелыми листьями, такой неуместный в ярко освещенной комнате посреди огромного шумного города.

Я поцеловала ее волосы, пахнувшие обеденным кофе и дымом, струившимся с кончика сигареты. Элла прерывисто вздохнула и подняла лицо.

– Знаешь, что это значит для нас?

Я посмотрела на нее, потом обвела взглядом богатую, набитую дорогими вещами и совершенно чужую комнату.

– погоди. Ты хочешь сказать, что нам достается «Ореховый лес»?

Особняк моей бабушки, который я видела только на фотографиях, всегда оставался колыбелью моего альтернативного придуманного детства. Там я каталась на лошадях, ездила в летние лагеря. Это была моя воображаемая страна, в которую я убегала отдохнуть от бесконечных автодорог, новых школ и запаха чужих домов. Я уже начала было рисовать себя в далеком мире усадьбы с фонтанами и живыми изгородями, коктейлями в высоких бокалах и чистым прудом, таким сверкающим, что на него нельзя взглянуть, не сощурившись.

Но худая рука моей матери обхватила мое запястье, вытаскивая меня из мира ослепительных лужаек «Орехового леса».

– О Господи, нет. Это значит, что мы *свободны*.

– Свободны от чего? – глупо спросила я, но она не ответила. Она резко встала, бросив недокуренную сигарету в корзину, прямо поверх письма, и целеустремленно вышла из комнаты, будто спеша заняться чем-то срочным.

Едва Элла ступила за порог, я вылила остывший кофе в мусорную корзину, загасив уже разгоравшееся там пламя, и вытащила мокрое письмо. Частично оно успело сгореть, но я разгладила обугленный остаток листка на коленях и попыталась его прочесть. Шрифт, которым письмо было напечатано, казался странным, будто у старой телеграммы.

Вообще письмо не выглядело новым. Даже пахло оно как-то залежало. Я представила, как некто печатает его на старинной машинке *Selectric* – как на открытке с портретом Франсуазы Саган, которую я вешала над кроватью в каждом новом доме, где нам случалось жить. Исследуя то, что осталось от письма, я вдохнула запах пепла и странных духов. Особенно исследовать было нечего, читались лишь обрывки текста – *С глубокими соболезнованиямиезжайте как можно скорее...*

И еще одно темно-коричневое слово среди моря обгоревшей бумаги: *Алиса*. Мое имя. Кроме него я ничего не могла разобрать в этой строке, и больше упоминаний обо мне, похоже, не было. Скатав мокрый лист в комок, я бросила его обратно в корзину.

2

До одинокой смерти Алтеи Прозерпины (урожденной Анны Паркс) в огромном особняке под названием «Ореховый лес» наша с мамой жизнь была чередой неудач. Мы переезжали самое малое дважды в год, чаще больше, но злая судьба находила нас повсюду.

В Провиденсе, где мама работала арт-терапевтом в доме престарелых, весь первый этаж нашего съемного дома был затоплен одной августовской ночью, когда мы спали, – причем ночь была совершенно ясная. Дикая кошка ворвалась в наш трейлер в Такоме, разбив окно, обгадила все наши вещи и сожрала остатки моего именинного торта.

В Лос-Анджелесе мы пытались продержаться хотя бы один полный учебный год. Элла снимала там флигель у серьезной хиппи с трастовым фондом, но через четыре месяца после нашего приезда муж хозяйки заболел синдромом хронической усталости, и мы с мамой переехали к ней в основное здание, чтоб помогать по дому. Вскоре после этого в хозяйской спальне обвалился потолок, а хиппи начала ходить во сне и на одной из подобных прогулок упала в бассейн и чуть не утонула. Не дожидаясь, когда начнется отсчет смертей, мы снова пустились в дорогу.

Когда мы были в пути, я постоянно следила за машинами в зеркало заднего вида: как будто злая судьба могла принять человеческое обличье и катить за нами по пятам в мини-вэне. Но судьба всегда была коварнее нас. Провести ее было невозможно – только снова и снова бежать, едва заведя ее приметы.

После смерти Алтеи мы покончили с переездами. Элла удивила меня, преподнесла мне ключ от новой съемной квартиры в Бруклине, и вскоре мы въехали туда со всеми своими жалкими пожитками. Недели шли за неделями, перетекали в месяцы... Я по-прежнему не теряла бдительности, но наши дорожные чемоданы все еще оставались под кроватью. Свет в нашем новом жилище был цвета всех металлов – слепяще-платиновый поутру, золотой на закате и бронзовый по ночам, когда в окна светили уличные фонари. Я часами могла любоваться игрой света на наших стенах, его переменах. Этот свет принадлежал мне.

Но я все еще видела повсюду тени злой судьбы. Однажды в букинистическом магазине за мной долго следила женщина, которая в конце концов стянула у меня из кармана мобильник,

шепнула мне в ухо непристойность и убежала. Как-то я шла по улице ночью, и над моей головой один за другим гасли фонари. Целую неделю подряд мне попадался в вагоне метро один и тот же нищий музыкант с гитарой, при виде меня всякий раз заводивший жутковатым тенором «Иди спроси Алису»².

– Пф, – презрительно фыркала Элла. – Это никакая не злая судьба, это просто Нью-Йорк. Она здорово изменилась со смерти матери. Стала меньше курить, набрала вес. Даже купила несколько цветных футболок – в противовес своим обычным, без вариантов черным.

Как-то раз, вернувшись вечером, мы обнаружили, что все окна в нашей квартире перебиты. В них зияли звездообразные дыры. Элла сжала губы и посмотрела на меня. Я уже приготовилась услышать, что мы немедленно уезжаем, – но она покачала головой.

– Нью-Йорк, – в голосе ее звучала сталь. – Больше нет никакой злой судьбы, Алиса. Слышишь меня? С этим покончено.

Итак, я ходила в бесплатную государственную школу. Я развесила гирлянды с фонариками на полочке над кроватью и нашла себе работу в кафе, которое после заката превращалось в бар. А Элла начала заговаривать на темы, прежде у нас не поднимавшиеся: о покраске стен в квартире, о покупке нового дивана. О подаче заявления в колледж.

Это нас и подвело – мечта Эллы о нормальной жизни для меня, о настоящей жизни со стабильным будущим. Потому что, если проводить всю жизнь в бегах, как научиться неподвижности? Как превратить свой соломенный домик в каменный?

Элла выбрала способ, известный ей по кинофильмам – всем этим экранным фальшивкам, которыми мы развлекались в комнатах мотелей, в съемных бунгало, в бывших летних домиках для туристов и даже в студенческих общежитиях.

Она вышла замуж.

Поезд метро грохотал по Бруклинскому мосту. Глаза резал пронзительный свет октябрьского солнца. Голова моя была занята неудачным браком мамы, зубы болели – кажется, в нескольких из них были трещины. Приступы гнева случались у меня и раньше, Элла привыкла справляться с ними с помощью медитаций, дешевой терапии Рэйки, которой она выучилась по книгам, и спортивной капы на зубы – предполагалось, что я буду носить ее, но я ее ненавидела. Каждый день я тратила кучу усилий, чтобы не выпустить наружу ни одного резкого слова об отчине. Каждую ночь я вымещала гнев на своих зубах, сжимая их и скрипя ими изо всех сил.

Мужчина, за которого вышла замуж моя мать – месяца через четыре после их первой встречи на торжественном приеме, где она подрабатывала официанткой, – жил на предпоследнем этаже высотки на Пятой авеню. Его звали Гарольд, он был богат как Крез и думал, что Лорри Мур – это марка промышленных красок³. Вот и все, что следует знать о Гарольде.

Я ехала в «Соленую собаку» – в кафе, ставшее моим первым местом работы: наконец-то я прожила где-то достаточно времени, чтобы таковой обзавестись. Владельцы кафе, супруги из Рейкьявика, провели со мной шестичасовой технический семинар, прежде чем допустили хотя бы почистить кофемашину. Работа мне нравилась тем, что я могла выкладываться на ней ровно настолько, насколько считала нужным. Если хотела – старалась, готовила кофейные шедевры и мило общалась с каждым клиентом. Если не хотела – исполняла обязанности на автопилоте, ни с кем не разговаривая, и просто получала чуть меньше чаевых.

Сегодня я старалась отвлечься, раствориться в успокаивающем ритме кафе, делая коктейли и пуроверы, подхватывая печенья серебряными щипцами и вдыхая карамельный запах кофейных зерен.

² «Go Ask Alice» – строка из песни «White Rabbit» группы Jefferson Airplane, основанной на аллюзиях на «Алису в стране чудес» и на ассоциациях этой книги с приемом наркотиков.

³ Мур, Лорри – американская писательница, лауреат многих литературных премий.

– Не смотри туда, к нам приперся Чувак-в-Шляпе, – шепнула мне на ухо вторая официантка, Лана. Она была второкурсницей в Пратте, училась на отделении керамики и выглядела как сестра Дэвида Боуи, переплюнувшая его по части красоты. Одевалась она при этом совершенно ужасно, что парадоксальным образом ее только красило. Сегодня она была в мешковатом оранжевом комбинезоне в стиле Альянса из «Звездных войн» и пахла так, как, должно быть, пах Микеланджело – гипсовой пылью и потом. Поразительно, но этот запах тоже ее не портил.

Чувак-в-Шляпе был нашим самым нелюбимым посетителем. Лана старательно притворилась, что чистит аппарат для кипячения молока, так что клиент, ясное дело, доставался мне.

– Привет, Алисочка, – сообщил он, внимательно прочитав имя на моем бейдже – это он проделывал каждый раз, хотя приходил сюда каждый день. Он склонил голову на плечо, прислушиваясь к музыке, которую Лана поставила на своем мобильнике – «T. Rex», к слову сказать. – Ничего так песенка. Это «Stone Roses»?

– Господи боже мой, – театральным шепотом сказала Лана у меня за спиной.

Клиент долго пялился в меню – минуты две, не меньше, – пальцами отбивая дробь по стойке. Я ждала, пока он сделает заказ, а под кожей у меня вызревал гнев, вызывая легкий озноб. Наконец он заказал то же, что и всегда. Я поспешно затолкала в пакет его бискотти, добавила бутылочку воды «Pellegino» и поспешно отодвинулась подальше от стойки, чтобы не дать ему шансов развести меня на прощальный шлепок ладонью о ладонь, которому он пытался меня обучить в течение последних пяти смен.

Я смотрела, как он уходит, и ненавидела в нем все – короткую шею, белые волоски на руках, его манеру сцеплять пальцы и ими отвратительно хрустеть. Кровь прилила к моей голове, когда он по пути запнулся о стул женщины за столиком и в качестве извинения панибратски похлопал ее по плечу.

– Блин, какая же он задница, – в полный голос сказала Лана, наблюдая, как Чувак-в-Шляпе сражается с входной дверью. Потом подтолкнула меня бедром:

– Алиса, да остынь. У тебя такой вид, будто ты собираешься его придушить. Это же просто старина Дурацкая Федора.

Гнев отхлынул, оставив после себя жар смущения.

– Я не собиралась... – начала было я, но Лана меня перебила. Это ей всегда отлично удавалось.

– Я тебе уже говорила, что видела Кристиана совершенно голым? – она подперла подбородок кулачком.

Кристианом звали нашего босса. У него были миниатюрная красавица-жена и здоровенный краснолицый ребенок, похожий на лубочного демона. Я попыталась представить невинную причину столь близкого знакомства Ланы с боссом, но мне это не удалось.

– У вас что... Вы что, занимались сексом?

Лана расхохоталась, как будто с высоты ее жизненного опыта я была маленькой дурочкой – даже если и так, какого черта?

– Ты можешь такое себе представить? Да нет, тогда бы Луиза натравила на меня их жуткого ребеночка! Кристиан просто заказал мне скульптурный портрет всей семьи.

– Голышом?

– Ага, – отозвалась Лана, стремительно теряя интерес к собственному рассказу.

– И какой он... Как оно получается? Очень неприлично?

Лана пожала плечами, глядя на экран своего телефона.

Когда Элла только начала встречаться с Гарольдом, у меня была идея сдружиться с Ланой, чтобы тоже обзавестись своим собственным близким, но ничего не вышло. Лана больше нуждалась в слушателях, чем в друзьях.

Я взяла тряпку и пошла в зал протирать столики – исключительно для того, чтобы Лана для разнообразия сменила меня у кофемашины. По пути меня охватило странное чувство – острое физическое ощущение чьего-то взгляда. Кто-то смотрел на меня. Я не Лана, чаще всего меня не замечают, так что чувство было очень тревожное. Отвлекаясь на него, я наткнулась на столик и выругалась вслух. Собирая тряпкой крошки, я быстро оглядывала посетителей.

За одним столиком – компания женщин, как на подбор, с обручальными кольцами на пальцах. Перед каждой – чашка зеленого чая, посредине – один-единственный пончик с кокосовой стружкой и четыре вилки. За двумя отдельными столами – двое мужчин с одинаковыми бородами, в одинаковых клетчатых рубашках, согнувшиеся над одинаковыми ноутбуками и совершенно друг друга не замечающие. Еще женщина, которая пытается читать «Джейн Эйр», но взамен следит краем глаза за мамашей с двухлетним малышом, громко стучащим ложкой по соседнему столику. И, наконец, мужчина в куртке от *Carchartt* и в темных очках, сидящий у самых дверей. На голове у него, несмотря на жару, вязаная шапочка, перед ним на столике – стакан воды.

Тут-то и случилось три вещи: Лана уронила тарелку, и та с грохотом разбилась о шахматную плитку пола; человек в шапочке взглянул поверх очков в направлении шума; и я немедленно узнала его – ударная волна узнавания прокатилась по мне и через меня, вгоняя в дрожь.

Мы уставились друг на друга – я и мужчина у дверей – и я видела, что он понял, что я его узнала. Когда наши взгляды встретились, я резко вспомнила то, что совершенно забыла: тогда, десять лет назад, его машина пахла, как рождественская елка. Когда мы остановились позавтракать, он заказал для меня не только блинчики, но и яичницу. На мне тогда была малиновая вельветовая курточка поверх полосатой футболки, обтягивающие штанишки и белые ковбойские сапожки с серебряными шпорами, которыми я страшно гордилась. Он рассказывал мне сказки – некоторые я уже знала, а некоторые нет. Я так никогда и не вспомнила их содержания, зато помнила ощущение от них: такое же чувство возникает при чтении стихов – *настоящих* стихов, от которых встают дыбом волоски на шее, а в глазах закипают слезы.

Это был тот самый человек, который увез меня в голубом «бьюике», мужчина, которого я представляла своим отцом. Шапка скрывала рыжие волосы, но глаза было невозможно не узнать. Тогда я была ребенком и все, что могла сказать о его возрасте, – это что он взрослый. Только теперь я заметила, насколько он молодой – лет двадцать, ну, самое большее, двадцать пять. С момента нашей встречи прошло десять лет, а он совершенно не изменился, ничуть не постарел. Это было невозможно. Однако я была совершенно уверена, что это он – и что он явился сюда из-за меня.

Пока я переваривала всю эту информацию, он встал из-за стола, подхватил книгу, которая лежала перед ним, и вышел из кафе. Колокольчик на двери еще не успел утихнуть, как я бросилась за ним – и запнулась о провод чьего-то ноутбука, так что едва не своротила компьютер на пол. К тому моменту, как я закончила извиняться перед владельцем и добралась наконец до двери, загадочный человек уже исчез. Я отчаянно прочесывала взглядом пустой тротуар, и пальцы тщетно искали в воздухе сигарету – мы с мамой одновременно бросили курить, когда переехали к Гарольду.

Мужчина в шапочке ушел. Простояв на пороге несколько минут, я наконец вернулась в кафе.

После него на столе остались пустой стакан, смятая салфетка... А еще перо, расческа и кость. Перо было темно-золотое, с зеленоватым кончиком. Расческа – красная, пластиковая. А кость – наверное, куриная, да только походила по форме на человеческий палец. Она была вычищена добела. Эти три предмета были выложены на столешницу так, что напоминали иероглиф – странный знак, запечатлевшийся у меня в уме, когда я смахнула свои находки в карман форменного фартука.

– О'кей, кто это был? – я до сих пор никогда не видела в глазах Ланы такого интереса к своей персоне. – Слушай, у тебя губы... Они совершенно белые. Он тебе что-то сделал, тот парень?

Да, похитил меня, когда мне было шесть. Я думаю, он из Повелителей Времени.

– Да так, никто. В смысле, не знаю кто. Я ошиблась, подумала, что это один знакомый... и обозналась.

– Никто, значит? Я не верю ни одному твоему слову, но неважно. Давай-ка ты сядешь, а я принесу тебе чего-нибудь поесть, и ты не вернешься к работе, пока не перестанешь так погано выглядеть. В смысле, до конца моей смены осталось двадцать минут, и я надеюсь, этого тебе хватит, чтоб прийти в чувство.

Я тяжело опустилась на стул – колени у меня подогнулись сами. Одна из женщин, тех, с обручальными кольцами, оглянулась на меня и постучала чашкой о блюдце, как будто требуя бесплатно долить ей чай. «Только дай мне повод разозлиться», – подумала я, хотя чувствовала себя слишком слабой, чтоб действительно выйти из себя.

Слишком испуганной. Давай называть вещи своими именами, Алиса. Может, мне бы и удалось уговорить себя поверить в то, во что так безумно хотелось верить – что я никогда раньше не видела этого человека, просто немного похожего на того знакомого десятилетней давности. А потом, может, у меня получилось бы даже забыть о нем, если бы не книга у него в руках. Книга, которую он взял со стола перед тем, как стремительно выйти.

Долгие годы я не видела эту книгу, но узнала ее сразу же, едва различив знакомую зеленую обложку.

Мужчина в кафе читал «Истории Сопредельных земель», конечно же. А что бы еще он мог читать?

3

Впервые эта книга попалась мне на глаза, когда мне было десять. Небольшая, карманного формата, в зеленой твердой обложке с золотым тиснением. Под странным заголовком – имя моей бабушки, все заглавными буквами.

Я уже была таким ребенком, который с закрытыми глазами ощупывает задние стенки шкафов в поисках потайных дверей и загадывает желание при виде падающей звезды. Так что находка – зелено-золотая книга со сказочным названием – в самом нижнем ящике комода, такого скучного на первый взгляд, очаровала меня. Я играла в мансарде дома, где нас приютили – наши хозяева, супруги, по шею загруженные работой, были не против нанять для своего двухлетнего сынишки няньку с проживанием, пусть даже при наличии у няньки собственного ребенка. Мы занимали в их доме гостевую спальню все первое полугодие моего пятого класса – как ни странно, без единого инцидента, пока отец семейства не начал делать Элле определенные намеки, вынудившие нас покинуть насиженное местечко.

Я уселась, скрестив ноги, на ветхий ковер мансарды и благоговейно открыла книгу, водя пальцем по странице с содержанием. Конечно, я знала, что моя бабушка – писательница, но как-то никогда ей особо не интересовалась до этого момента. Мне о ней почти ничего не рассказывали, так что я думала, что она пишет скучные книжки для взрослых, которые мне все равно бы не понравились. Но это явно была книга интересных историй, причем самого лучшего толка – волшебных сказок! Всего сказок в книге оказалось двенадцать.

Дверь, которой не было
Ханса-Странница
Механическая невеста
Джесси и Ночные женичины
Девушка без кожи
Трижды-Алиса
Дом под лестницей
Ожидание Ильзы
Морской погреб

*Мать и кинжал
Дважды-Убитая Катерина
Смерть и лесничиха*

Конечно же, меня сразу привлекла сказка «Трижды-Алиса» – ведь меня саму звали Алисой. Страницы были волнистыми, как будто когда-то их намочили и высушили, и пахли пыльными фиалковыми конфетами, которые я терпеть не могла, а мама любила. Я до сих пор помню первую строчку истории – все, что я успела прочесть до того момента, как вошла Элла, которой подал сигнал внутренний материнский радар, и сразу же вырвала книгу у меня из рук.

«Алиса родилась с глазами черными-черными, без белков, и повитуха сбежала от рожицы сразу, даже не потрудившись обмыть новорожденную».

Начало было такое страшное, что мое сердце сжалось, и я была рада увидеть Эллу. Я только не поняла, почему ее глаза так сверкали, почему она дышала так тяжело.

– Эта книга – не для детей, – резко заявила она.

Я даже не знала, как на это реагировать. До сих пор мама никогда не говорила мне, что я слишком маленькая для какой-нибудь книги – да и вообще для любого рода информации. Когда я спросила ее, откуда берутся дети, она мне все объяснила в подробностях, достойных канала «Природа». Если кто-то из ее друзей пытался сменить тему, когда я входила в комнату, Элла не давала это сделать. «Алиса отлично знает, что такое передоз, – могла сказать она. – Не надо недооценивать ее умственные способности». После чего она, скорее всего, постучала бы по краю бокала и кивнула мне в направлении кухни, и я бы отправилась смешивать ей очередной превосходный martini.

То, что Элла впервые на моей памяти разыграла «возрастную» карту, разожгло во мне пылающее, нестерпимое любопытство. Я просто *должна* была прочитать эту книгу. Не могла оставить ее непрочитанной. Книгу из мансарды я больше никогда не видела, но запомнила название и выжидала благоприятного случая. Я обшаривала все доступные мне библиотеки и книжные магазины, а также книжные шкафы во всех домах, где нам случалось жить, но нигде не находила искомого. Я даже как-то поучаствовала в аукционе *eBay* – у меня к тому времени был установлен *Google alert*, – но цена лота быстро превысила мои покупательские возможности.

Так что я взамен чтения книги стала читать о ее авторе все, что могла найти. Так началась моя одержимость собственной бабушкой, Алтеей Прозерпиной.

~ ~ ~

Лана ушла, и ее сменил парень по имени Норм. Так что следующие три часа мне пришлось слушать его рассказы о вечеринке, на которой он был вместе с Ланой и теперь пытался выяснить, можно ли это назвать свиданием – «не то чтобы это важно, сама понимаешь, но, все-таки, ты случаем не помнишь, может, после того вечера Лана меня разок-другой упоминала?»

Я пыталась отвечать уклончивыми фразами, но наконец взорвалась.

– Господи боже, Норм. Хочешь, я тебе покажу танец «Не застревай и двигайся вперед»? – я изобразила что-то вроде мчащегося поезда. – Ну как, помогло тебе? Лана ни разу не говорила о тебе в моем присутствии, если что.

Выражение обиды на его лице вызвало во мне вспышку мрачного удовлетворения.

– Черт, Алиса, могла бы что получше сказать.

Он снял кепку, заломил ее козырек, чтобы выглядеть поувереннее, и снова водрузил ее на голову.

До конца рабочего дня он больше со мной не разговаривал, и у меня было время подумать в тишине. Время еще раз проиграть перед внутренним взором всю сцену, и снова, и снова. Наконец моя смена закончилась, и я вышла в ночь, чувствуя себя человеком без кожи. Было темно, дома по сторонам дороги к метро выглядели крепко запертыми и негостеприимными – в такой дом ни за что не постучишься на Хэллоуин. Я вздрогнула, когда по тротуару слишком близко от меня зашагал прохожий. Мне показалось, что от него пахнет паленым, а глаза светятся в темноте.

Прохожий все шел неподалеку, не обращая на меня внимания. Я начинала вести себя как параноик. Повсюду я высматривала вязаную шапочку, голубые глаза. Нет. Пусто.

На остановке маршрута «Q» ждали несколько человек. Я встала поближе к женщине с коляской, чтобы со стороны могло показаться, что мы с ней вместе. Она не оглянулась на меня, но я увидела, как напряглись ее плечи. Когда подошел поезд, я быстро вошла в него – и выпрыгнула обратно на платформу в последний момент, как делали герои фильмов.

Но теперь платформа была совсем пуста. Я вставила в одно ухо наушник и включила запись белого шума – Элла поставила это приложение на мой мобильник и велела мне запускать его каждый раз, когда я начинаю чувствовать себя ружьем со взведенным курком.

Подошел следующий поезд, и я практически запрыгнула в него. В голове прокручивалась, как кинопленка, сцена из кафе: грохот разбитой тарелки, синие глаза, стремительное движение к дверям, книга под мышкой... Но воспоминание уже начинало размазываться по углам, терять свою яркость. Я чувствовала, как оно увядает у меня в руках.

Шея у меня занемела – настолько я старалась держать ее не расслабляя, реагировать на каждое движение вокруг. От постоянного напряжения где-то по ту сторону глаз молоточками билась кровь. Когда дверь между вагонами раскрылась, пропуская парня с саксофоном, в груди у меня разорвалась шаровая молния паники.

Может, есть какое-то рациональное объяснение молодости этого человека, его лица, не тронутого ни единой морщинкой? Ботокс, французский увлажнитель кожи, игра света?... Или черная дыра у меня в голове, из-за которой образ прошлого наложился на лицо в настоящем.

Даже если так, у него была с собой книга, которую нигде невозможно найти. Этот мужчина десять лет назад сказал мне, что он знает бабушку и собирается меня к ней отвезти. Что, если это правда? Что, если Элла ошиблась, приняв его за чужака?

А что, если Элла солгала?

Я-то думала, что давно похоронила свою прежнюю одержимость, но она снова зашевелилась в мне. Когда поезд наконец выехал из туннеля на мост, я открыла на телефоне старую статью об Алтее. Когда-то это была моя любимая статья, самая длинная, какую удалось найти. У меня даже имелся журнал, в котором она изначально была напечатана – я чудом отыскала его в букинистической лавочке в Салеме. «Ярмарка тщеславия», номер за сентябрь 1987 года. Целых шесть страниц занимало интервью с моей бабушкой, рассказывающее об особняке «Ореховый лес», который она только что купила. На фотографиях бабушка была тонкой, как сигарета у нее в руке; тончайшая талия, укороченные брючки, ярко-красная помада и взгляд, которым можно резать стекло. У коленей бабушки – моя мама, размазанная фигурка черноволосого ребенка, колеблющаяся тень на глади сверкающего пруда.

Статья начинается так: «Алтея Прозерпина кормит свою дочь волшебными сказками». Странное начало, потому что дальше о маме нет почти ни слова; наверное, журналистке понравилась двусмысленность фразы. Имелось в виду, конечно, что маме, как и любому ребенку, рассказывают сказки, – но также и то, что родительница растит ее на деньги, заработанные на этих самых сказках. Особняк Алтеи, «Ореховый лес», тоже был куплен на «сказочные» деньги.

До того, как стать автором маленького загадочного томика, сделавшего ей имя, моя бабушка зарабатывала статьями для женских журналов – в те времена скорее пестревших заго-

ловками «Как вывести ужасное пятно с белой рубашки мужа», чем «20 сексуальных игр с кубиком льда».

Но все резко изменилось в 1966 году, когда бабушка отправилась в путешествие. В интервью она не называет имен, но подробностей не скрывает: она путешествовала с женатым мужчиной старше себя – редактором одного популярного мужского журнала. Вместе они отправились в круиз вокруг континента с группой скучающих богатеньких американских туристов. После девяти дней распития теплых коктейлей (бабушка не доверяла ледяным кубикам) и написания писем домой они с ее женатым спутником крупно поссорились, и она отделилась от группы. Тут-то все и произошло.

Что именно произошло, Алтея не рассказывает. «Я нашла очень старую дверь, ведущую к новому типу литературы, – говорит она в интервью. – Путь обратно занял у меня много времени». И больше ни слова о том, чем она занималась в период между 1966 и 1969 годами, за который ее комнатные цветы засохли и умерли, а ее нью-йоркская жизнь покрылась паутиной и была сметена, как мусор.

Когда Алтея вернулась в Штаты, мир уже успел ее позабыть. Она говорит, что ощущала себя «призраком, бродившим по музею своей прошлой жизни» (по ее речи очень заметно, что она лучше знала книги, чем людей). Она нашла подругу по Барнард-колледжу, у которой можно было остановиться, поставила в гостевой комнате ее квартиры пишущую машинку, села за нее и напечатала свои двенадцать историй. Они и составили книгу, озаглавленную «Истории Сопредельных земель», и ее вскоре купило маленькое независимое издательство в Гринвич-Виллидж, специализировавшееся на женской прозе, которую никто не читал.

Но по неизвестной причине бабушкину книгу стали читать. Ее красивое лицо на задней обложке не могло не привлекать внимания: большие честные глаза, на самом деле голубые и светло-серые на черно-белом фото. Насмешливо приподнятая бровь, красиво очерченные полуоткрытые губы. На Алтее мужская белая рубашка, расстегнутая сверху на одну пуговку больше, чем следует, а на указательном пальце правой руки – тяжелый перстень с ониксом. В этой руке она, конечно же, держит сигарету.

Книга получила несколько хвалебных отзывов в небольших журналах, о ней заговорили, она стала сенсацией. Тогда нашелся французский режиссер, который искал подходящий сюжет для своего первого американского фильма.

Работа над фильмом шла из рук вон плохо – съемку омрачали закулисные интриги, профессиональные скандалы и, наконец, два независимых друг от друга исчезновения членов съемочной группы. Но сам фильм в итоге оказался хитом арт-хауса. Сценарий был психологической драмой – главная героиня просыпается в лесу и ничего не помнит о своей прошлой жизни: истории из бабушкиной книги выступают в качестве ее сновидений или внезапных воспоминаний. Согласно рецензиям, которые мне удалось найти, сюжет фильма не имеет ничего общего с исходным материалом.

Успех фильма, отчасти подогреваемый скандальной историей его создания, породил несколько театральных спектаклей-однодневок, а также мини-сериал, который так и не сняли, и краткую и неудачную карьеру Алтеи в качестве телевизионного консультанта в Лос-Анджелесе. Вернувшись в Нью-Йорк, она сразу же купила «Ореховый лес»: он продавался за бесценок после странной смерти своего последнего владельца – тот погиб при пожаре, который еще и повредил часть особняка.

Алтея пару раз побывала замужем – сначала за актером, с которым они познакомились на съемках фильма. Чтобы жениться на Алтее, он развелся со своей первой женой и вскоре был убит сумасшедшим наркоманом на собственной квартире в Виллидж, когда Алтея еще была беременна Эллой. В Лос-Анджелесе она встретила своего второго мужа – члена греческой королевской семьи в изгнании – и увезла его с собой в «Ореховый лес».

Так что, в некотором смысле, мою маму вскормили волшебными сказками, но смерть тоже играла в ее судьбе важную роль. И деньги. Деньги покойного мужа и деньги, заработанные на сказках. Часть этих денег все же осела в карманах мамы, помогая нам продержаться и оплачивать бесконечную череду съемных квартир, – спонтанных и не особенно денежных попыток моей мамы что-то заработать нам явно не хватило бы. Постоянное движение было такой же неотъемлемой частью нашей жизни, как резкий мамин смех и мои приступы гнева. И злая судьба, которая ослабляла хватку при каждом новом переезде, но потом снова прицеплялась к нам, как красная глина, налипающая на башмаки.

Независимо от того, насколько плохо шли наши дела, за нашими спинами всегда оставался «Ореховый лес». Место, куда Элла не собиралась возвращаться ни за что в жизни. Она заботилась обо мне, а я – о ней. Нас связывали симбиотические сестринские отношения, которые очень трогательно смотрятся в телесериалах, но на самом деле жутко выматывают, когда приходится переезжать третий раз в год, а у тебя нет даже двери собственной комнаты, чтобы ей как следует хлопнуть.

В сотый раз я перечитала статью об Алтее – и на этот раз она читалась совсем иначе, чем прежде. Когда-то я представляла себе бабушку как далекую, но все же благоволящую ко мне звезду, сказочную фею-крестную, наблюдавшую за мной издалека. Мой горячечный детский мозг создал гремучую смесь из прочитанных сказок, отсутствующей бабушки и загадочного мужчины, внушившего мне подозрения, о которых я никогда не говорила вслух. Глядя в зеркало, я втайне верила, что Алтея может меня видеть. Когда какой-нибудь мужчина слишком надолго задерживал на мне взгляд через окно машины или в продуктовом магазине, я видела в нем не опасного извращенца и не вестника приближающейся злой судьбы, а тайного посланца Алтеи. Она наблюдала за мной, любила меня и собиралась однажды предстать передо мной во плоти.

Но теперь я читала ее интервью другими глазами. Это была не восхитительная королева фей, а амбициозная и высокомерная писательница. Которая ни разу, с моего рождения и до своей смерти, не попыталась связаться с Эллой. С Эллой, которая родила меня в девятнадцать и с тех пор не имела, кроме меня, никакой опоры на свете.

Вот о чем в статье нет ни слова. Через несколько месяцев после ее выхода второй муж Алтеи покончил с собой в «Ореховом лесу». После его смерти Алтея перестала пускать к себе кого бы то ни было. Они с Эллой затворились в особняке и кормились волшебными сказками и бог весть чем еще, не имея никакой компании, кроме друг друга. Об этой части своей жизни Элла никогда не рассказывает – о четырнадцати годах, которые она провела полностью отрезанной от мира. Она даже в школу не ходила. А кто мой отец и как они с ним познакомились – это секрет, сокрытый так глубоко, что я даже и спрашивать о нем давно перестала.

Когда я добралась наконец до нашей квартиры, голова моя гудела, как котел.

Погодите. Слово «квартира» может создать у вас неправильное впечатление. Скажем так: апартаменты. Это уже ближе, хотя и не совсем то.

Жилище Гарольда пахло дорогими моющими средствами, духами моей приемной сестры и едой, которую на этот раз Элла заказала из ресторана. Думаю, у Гарольда сначала были иллюзии, что она будет готовить ему ужин – на это намекала кухонная коробочка с рецептами, унаследованная от его матери. Но его ждало разочарование: мы с Эллой привыкли неделями жить на овсянке, поп-корне и вареных соевых бобах.

Еще в холле я услышала отдаленные звуки ссоры – голоса доносились из-за закрытой двери родительской спальни. Возле двери их было слышно гораздо лучше.

– Ты не меня сегодня опозорила, а только себя саму.

На звуках «с» Гарольд шипел, как змей. По голосам я смогла определить местоположение ссорящихся – он слева от меня, а слабое движение, обозначающее присутствие Эллы, – справа, на кровати.

Я прижалась спиной к стене. *Пусть только попробует подойти к маме ближе.*

– Когда ты одна, можешь выглядеть как бомжиха, это не мое дело, – но сегодня вечером ты выступала в роли моей жены! – Слово «жена» прозвучало даже хуже, чем «бомжиха», но я еще не двигалась с места, сглатывая холодный металлический вкус гнева. Элла снова и снова просила меня доверять ей. Верить, что она может сама разобраться с Гарольдом. Что она любит его. Что эта попытка стабильности предпринята не только ради меня.

Ее молчание звучало громче, чем голос Гарольда. Это ее главное оружие, хотя против меня она его никогда не использовала. Она просто смотрит на вас, пока вы пытаетесь собраться с мыслями, подобрать слова, чтобы достучаться до нее, и никогда не отвечает. Я видела, как она вытягивала из людей все, что ей было нужно – тайны, признания, обещания потерпеть нас в доме лишний месяц – одним своим молчанием. Она им владела в совершенстве.

– Элла, – в голосе Гарольда зазвучало отчаяние. Мне даже стало его жалко, хотя жалеть его я не хотела. – Элла, скажи хоть что-нибудь, черт побери!

Я услышала движение – он пересек комнату, двигаясь к кровати, где сидела моя мать.

Я вдохнула, выдохнула и надавила на ручку двери.

Заперто.

– Мам! Что там происходит?

– Боже *мой*, это опять твоя дочь?

– Мам! – я ударила в дверь рукой. – Пусти меня!

Тишина, скрип кровати, потом голос Эллы – совсем близко:

– Все в порядке, детка. Иди спать.

– Открой дверь.

– Алиса. Я в порядке. Мы просто разговариваем. Лучшее, что ты можешь сделать, – это пойти спать.

Гнев клокотал в моей крови.

– Он назвал тебя бомжихой. Открой дверь!

Дверь рывком отворил Гарольд, и я отшатнулась. Он был растрепанный, полураздетый. Его бритое лицо казалось темным, глаза были налиты кровью. У Гарольда глаза, как у Капитана Крюка – грустные и голубые, как васильки, а стоит ему разозлиться – сразу поблескивают красным.

Рядом с ним Элла, в облегающем черном платье, с копной темных непослушных волос, казалась похожей на черный мак. Платье было сшито будто специально, чтобы привлекать внимание к татуировке у нее на плече, поднимающейся почти до самого горла: психоделический цветок на колючем стебле, из которого могла бы получиться отличная иллюстрация для марсианского ботанического атласа. Близнец этого цветка был вытатуирован у меня на плече, в зеркальном отражении: это был мой подарок Элле как-то на День Матери – подарок крайне неудачный, потому что она мою татуировку сразу возненавидела.

В тусклом свете ламп из холла она выглядела хищником, а Гарольд – добычей. Мой гнев отхлынул.

– Я не называл ее бомжихой. Я только сказал... – Гарольд взъерошил волосы ладонью. – Эти званые ужины очень важны. В них участвуют потенциальные клиенты, они определяют курс – ох, Господи, да с какой стати я перед тобой оправдываюсь?

Элла прислонилась к дверному косяку, холодно глядя на мужа.

– Я была точно так же одета в вечер нашего знакомства. Ты не забыл?

– Да, но тогда ты была *официанткой*. Да плевать, я не намерен тут стоять и защищаться от вас обеих! – Гарольд перевел взгляд на меня. – Я не злодей, Алиса. Почему ты всегда смотришь на меня, как на какого-то чертова монстра?

Он развернулся на пятках и удалился в уборную.

– Мама.

Элла повернула голову, мгновение смотрела на меня, будто хотела задать вопрос. Но вместо этого долго и тяжело вздохнула.

– Иди спать, Алиса. Поговорим с утра, ладно?

Она наклонилась и ласково прижалась своим лбом к моему, а потом закрыла разделявшую нас дверь.

На меня навалилась резкая тишина. Звук жилища, отделенного от шумного города, вакуум богатства.

Я прошла в кухню тихо, как воровка, и начала в темноте шарить по кухонным шкафчикам.

– Что это там – белка явилась поискать орешков?

Я посмотрела на пакетик пеканов у себя в руке и положила его обратно на полку. Одри всегда комментировала то, что едят другие, особенно если порция оказывалась меньше ее собственной. Сейчас она сидела в темной гостиной; ее присутствие выдавал только пучок темных волос, видневшийся над спинкой дивана. Когда я подошла ближе, она не обернулась, только слегка напряглась.

Моя приемная сестра была сексуальной, миленькой, никогда не затыкавшейся кисонькой, рядом с которой я чувствовала себя нелепой нескладехой. Одри потянулась; она была одета в спортивные шортики и короткий топик и даже дома умудрялась напускать на себя томный вид. Сейчас она сидела за ноутбуком и прокручивала на экране какой-то длинный каталог. Через ее плечо я разглядела фотографии женщин в дорогих костюмах. Одри снова заказывала себе одежду, которую она, как всегда, с трудом узнает, когда покупки будут доставлены. Я невольно подумала об игроках в казино.

– Опять изображаешь супергероиню? – спросила Одри бодрым голосом. – Ну как, удалось спасти мамочку от моего отца-злодея?

Я плюхнулась в кресло напротив нее.

– Гарольд для злодея слишком скучный. Он просто недостаточно хорош.

Это заставило ее оторваться от компьютера. Глаза ее казались черными в бледном свете экрана.

– Значит, ты считаешь, что мой папа недостаточно хорош для твоей матушки? – два последних слова она произнесла как какое-то ругательство. – Если бы не он, ты бы до сих пор жила в машине. И носила бы джинсы из «Уолмарта»⁴.

Меня впечатлило, что она вообще запомнила название «Уолмарт». Я злилась на себя, что хотя бы раз в жизни рассказала ей что-то правдивое.

– Да ладно, нам случалось жить и в бытовках, – сообщила я. – И в трейлерах. А однажды вообще в гараже.

Одри подхватила игру.

– Однажды мне пришлось так долго ждать доставки трюфельных фрикаделек, что они остыли по дороге. И я их сразу выкинула.

– Однажды у нас в машине разбилось стекло, и Элла заклеила его скотчем и закрыла дыру куском картона.

Одри тихонько вздохнула, рука ее все еще лежала на клавиатуре.

⁴ Walmart – сеть универсальных магазинов, торгующих товарами по ценам ниже среднего. Это название стало идиоматическим – например, выражение Walmart family означает «семья с доходом чуть ниже среднего».

– Однажды папа купил мне яхту и назвал ее «Моя Одри». Но он забыл встроить туда залу для танцев, так что я обиделась и утопила яхту.

– Однажды... – в моей голове вспыхнул яркий образ – тройной удар злой судьбы, из-за которого нам пришлось уехать из Чикаго. Я закрыла глаза, чтобы изгнать воспоминание, потом резко встала. – Ладно, ты победила.

Одри помрачнела и снова уставилась в свой ноутбук.

– Спокойной ночи, сестричка, – буркнула она мне в спину.

– Ночи, Одри, – отозвалась я, но слишком тихо, так, что она не расслышала.

Проходя мимо спальни Эллы и Гарольда, я прислушалась – там было тихо. Я попыталась вслушаться в тишину, прочесть ее тайны – но сквозь резную дубовую дверь это было трудно. Так что я продолжила свой путь в гостевую комнату, которую Гарольд наскоро приспособил для меня.

Каждое утро я забывала свой карандаш для подводки глаз на краю раковины в своей личной уборной. Я оставляла на кровати открытые книги, носки – под одеялом, сброшенные джинсы – гармошкой на полу. Каждой ночью все это исчезало, возвращалось обратно на туалетный столик, в гардероб, на книжные полки. Просыпаться в доме Гарольда – все равно что угодить в День Сурка. Что бы я ни делала, мне не удавалось оставить ни следа.

Чистя зубы, я старалась не смотреть в глаза своему отражению. Потом забралась в постель с томиком «Слепого убийцы», потому что, если у вас под рукой нет книги, которую вы хотите, всегда можно взамен захотеть книгу, которая у вас есть. Но на тексте сосредоточиться не удавалось, и в конце концов я сдалась и переключилась на перо, расческу и кость из кармана моего рабочего фартука. Некоторое время я просто подержала их на ладони, а потом убрала в бархатный мешочек, где раньше лежали фишки для «Эрудита», и положила все это в школьный рюкзачок.

Я лежала на спине и думала, что наверняка не смогу заснуть, но в какой-то момент обнаружила, что я спала – и только что проснулась от какого-то звука. Было темно. Еще не открыв глаза, я почувствовала присутствие мамы где-то рядом. Она беззвучно скользнула в постель рядом со мной, и я подвинулась, чтобы поделиться с ней одеялом. Я лежала тихонько, когда она поцеловала меня в щеку. Губы Эллы были сухими и пахли янтарем. Ее легкий серебряный вздох пощекотал мое ухо. Я молчала, пока могла сдерживаться, но наконец повернулась к ней лицом.

– Почему именно он?

Она сжалась, как будто готовилась принять удар. Я не била маму со своих десяти лет, но при виде этой готовности невольно зажала руки между коленями. Я ждала, что она уйдет от ответа, предложит поговорить потом, при свете, но она неожиданно ответила.

Она повернулась ко мне, глаза ее блестели знакомым блеском.

– Я думала, что влюблена в него, – прошептала она. – Клянусь, это правда.

– А сейчас?

Элла перекатилась на спину, сцепила тонкие пальцы поверх одеяла.

– Сейчас здесь достаточно хорошо, чтобы остаться и отдохнуть. Разве нет? Иногда так важно просто отдохнуть.

Крик, поднимавшийся во мне – обо всем, что случилось, о мужчине в кафе, о его книге, пере, расческе и кости, – умер, как будто внутри повернули регулятор громкости. Потому что Элла это заслужила, верно? Заслужила покой и отдых в городе настолько большом и ярком, что его фонари разгоняли злую судьбу, как разгоняли темноту.

Все не сказанное царапало мое горло, но постепенно утихло. Я решила дать ей еще один день. Еще один день отдыха и тишины, прежде чем оповестить ее, что старое проклятье снова нашло нас в новой форме, которую я еще не до конца поняла.

Мы молча лежали в темноте и заснули одновременно.

4

На поверхность из глубины сна меня вытащило острое желание выпить кофе. Когда я открыла глаза, Эллы рядом уже не было.

Главная причина просыпаться раньше всех в доме Гарольда – это шанс попасть на кухню первой. Я все еще чувствовала себя здесь гостьей, так что предпочитала заниматься своими делами, когда никто не видел. Через несколько минут после того, как я налила себе кофе и добавила в чашку молоко и мед, в кухню вошел Гарольд – в костюме-тройке, застегнутом до последней пуговицы, как будто он компенсировал то, что вчера я видела его расхристанным. Он демонстративно взял молоко со стола и поставил его обратно в холодильник.

– Я еще не закончила, – возразила я, откинувшись на спинку стула и заливая пульсацию гнева глотком горячего кофе.

Отчим косо поглядел на меня.

– Кофе затормаживает рост, – сообщил он наконец. – Ты что, хочешь всю жизнь выглядеть как подросток?

Я со стуком поставила чашку, но Гарольд уже вышел из кухни. Я подавила желание швырнуть чашку ему в спину, вместо этого допила кофе одним обжигающим глотком. Мне нужно было подзаправиться. Во сне я видела того рыжеволосого человека – его лицо смотрело сквозь запотевшее стекло окна, его голос нашептывал сказку в трубку телефона-автомата. Сны мешались с тем, что случилось в «Соленой собаке», и все это переставало быть реальным. Все, кроме пера, расчески и кости, вполне материальных, лежавших на дне моего рюкзака.

Заслышав пронзительный голос Одри, предупреждавший меня о ее приближении, я схватила батончик мюсли из собственного тайника в буфете Гарольда и выскользнула из кухни. Свою дозу сестрицы я и так получу по дороге в школу – тем более что я не знала, с каким из вариантов Одри мне предстоит иметь дело сегодня. Может, она будет меня полностью игнорировать, может, будет не затыкаясь рассказывать о какой-нибудь своей подруге, нарушившей такой и сякой пункт неписаного кодекса девушек. А может, решит отыгаться на мне за вчерашнее – я ведь без ее согласия оборвала нашу ритуальную извращенную игру.

Я заранее ждала на подъездной дорожке – неистребимая привычка курильщика. Одри вышла из дома в 8:35, и мы вместе усадились в черный лимузин Гарольда.

– Папа сегодня взял выходной на работе, – сказала она своему телефону, прокручивая на нем сообщение длиной с библейскую главу. – И ты отлично знаешь, что это значит.

– Правда знаю?

– Это значит, – пояснила Одри, понизив голос до шепота, – что надвигается неизбежное. Р-А-З-В-О-Д.

Я откинула голову на кожаный подголовник сиденья, пахнувший недавно убитой дичью, и приготовилась ощутить торжество. Но никакого торжества не ощущалось. Наоборот, одолело извращенное желание поспорить.

– Но они только что поженились. Какое отношение к разводу имеет выходной? Они что, прямо сегодня будут разводиться?

Одри трагически вздохнула, как будто разговаривать со мной было непосильным бременем.

– Сегодня он позвонит брачному консультанту, причем обязательно женщине. Он всегда так делает, чтобы потом сказать себе самому, что пытался все спасти. Если история и правда повторяется, через шесть месяцев – начиная с сегодняшнего дня – он бросит твою мать ради консультантки. Впрочем, неважно, ради кого. Либо Элла первая взбрыкнет, либо он непременно свяжется с кем-нибудь еще, просто потому что он так устроен. Он предсказуем, как долбанный учебник. Так что не надо делать вид, что ты не понимаешь, о чем я.

Закончив эту речь и все еще тяжело дыша, она уставилась в свой телефон с таким видом, будто хотела его убить.

Я помолчала, потом протянула ей руку мизинцем вперед.

– Не бойся, Одри. Мы-то с тобой всегда останемся сестрами. Клянусь мизинцем.

Она фыркнула.

– О да, конечно, мы постоянно будем видеться. Я зайду в гости в твоё новое жилище и притащу оттуда клопов.

– По-твоему, в коробках от холодильников живут клопы?

– Остро.

Тут ее телефон подал сигнал, и она снова погрузилась в обмен сообщениями. А я – в легкую тошноту, сопровождавшую мысли о разводе.

Я знала, что брак Эллы обречен. Гарольд – последний мужчина на свете, с которым она могла бы прожить всю жизнь. Его литературные предпочтения, его инертность, его заикленность на внешней стороне вещей – все это было прямо противоположно самой сущности моей мамы.

Но в самом начале их отношений я порой приходила домой – и заставляла их в обнимку на диване, он без галстука, она – босиком... Когда он наклонялся поцеловать ее в лоб, ее лицо поворачивалось ему навстречу, как цветок подсолнуха. Такие сцены бросали меня одновременно в жар и в холод – это как потеть холодной зимой в слишком жаркой шубе. Сейчас воздух между ними звенел напряжением, но все равно порой в нем пробегали искры чего-то горячего и интимного. Хотя становилось ясно, что им не остаться парой надолго, все же в Гарольде было нечто, в чем Элла нуждалась. Не для меня нуждалась – для самой себя.

Я почувствовала укол вины и передернула плечами, чтобы от нее избавиться.

Телефон Одри снова загудел, и нечто, что она прочла на экране – полное, как я могла разглядеть, орфографических ошибок и картинок-эмодзи, – сделало ее голос еще более резким.

– Просто к твоему сведению: ни один брак моего отца не длился меньше года. Так что у твоей мамочки очевидный талант золотодобытчицы.

Я безучастно смотрела на нее, чувствуя, как вина уступает место гневу. Чистому белому гневу. Она уловила эту перемену, и руки ее еще более нервно забегали по экрану, набирая текст.

Я представила, что вот сейчас срежу ее несколькими словами – одним прицельным ударом в какое-нибудь слабое место. А их было немало – россыпь прыщей на подбородке, разливаемая даже под слоем макияжа; грубый комментарий ее отца насчет того, как на ней сидят новые джинсы; собственная мать Одри, с которой они не общались, что не мешало ей ежемесячно тянуть из Гарольда деньги. Точечный словесный удар – перед полным разгромом противника.

Но я не могла так поступить – на плечах ощущались теплые руки Эллы, а в ушах звучал ее голос: «*Вдыхай свет, Алиса. И выдыхай гнев*».

Как же я ненавидела всю эту хипповскую фигню!

– Просто к *моему* сведению, – сказала я куда вежливее, чем мне хотелось, – Элла никогда до сих пор не встречалась с мужчиной, у которого было бы больше имущества, чем старый мотоцикл. Так что это ее первый выход в качестве золотодобытчицы.

Одри сделала снисходительное лицо, принимая мой слабый ответный выпад, и вернулась к своему телефону – теперь она использовала его как зеркальце, чтобы поправить макияж, включив фронтальную камеру.

Вот сценарий романа моей мамы и отца Одри в трех актах.

Акт первый: Гарольд замечает Эллу на коктейльной вечеринке. «Я думал, она – одна из гостей, – позже с удовольствием рассказывал он. – Мне в голову не могло прийти, что она из obsługi!» В исполнении Гарольда это должно было считаться за комплимент.

Только когда море людей между ними расступилось, он рассмотрел, что она одета в фартук официантки и держит на уровне талии поднос. Как-то она объясняла мне, что, если держать поднос выше, у мужчин появляется приличный повод заглядывать тебе в вырез блузки.

Гарольд съел с ее подноса кусочек спанакопиты и попросил Эллу записать на салфетке номер ее телефона. И она записала. Вот этой части истории я до сих пор не понимаю. Что ее привлекло в нем – джерсийский акцент? Темные волосы, видневшиеся в вырезе рубашки? По моей версии, это могли быть дорогие часы, блестящие на его толстом запястье – или, если попробовать судить менее цинично, его глаза. Они у Гарольда глубокого меланхолического голубого цвета, с многообещающим блеском в глубине. Правда, я ни разу не видела, чтобы обещание было выполнено.

Акт второй: первое свидание. Гарольд пригласил Эллу выпить по коктейлю, она вышла из нашей квартиры в восемь – и застала у дверей ждущий ее черный лимузин. Вечерний коктейль плавно перешел в ужин в ресторане, а ужин – в телефонный звонок домой в два часа ночи. Пьяным голосом Элла сообщила мне, что вернется только утром. Такой Эллу я не помнила со своих девяти лет, когда среди тихой августовской ночи она босиком каталась на мотоцикле своего тогдашнего парня и заехала в пруд для домашних уток. Этот случай так ее перепугал – она позже рассказывала, что чуть не поседела от мысли о том, что было бы, если бы позади сидела я? И она дала клятву возвращаться домой до полуночи и хотя бы относительно трезвой.

Со свидания с Гарольдом она вернулась почти через сутки после выхода из дома, без туфель (всегда опасный признак) и в накинутом на плечи мужском пиджаке поверх платья. Я понюхала этот пиджак, когда она не видела. Его запах напомнил мне нетрезвых банковских клерков, которые в час пик в метро старались прижаться ко мне поплотнее. Я встряхнула головой, чтоб избавиться от этого запаха. Бедный Гарольд. Элла явно собралась съесть тебя живьем.

Акт третий: ураган ухаживаний. Гурманские рестораны с пятнадцатью переменами блюд, уик-энды в Хэмптонсе, неловкий ужин в компании меня и Одри. И, конечно же, решающее свидание – поход в оперный театр, который начался в буквальном смысле с вешалки: Гарольд прислал моей матери платье.

– Такая дешевка, меня чуть не стошнило, – сообщила я Элле.

– Мы можем его сдать в ломбард, если свидание не удастся, – парировала она, разглаживая платье на бедрах. Когда она рассматривала себя в зеркало, глаза ее странно блестели. Я вспомнила об этом, когда по ее возвращении увидела такой же блеск на ее правой руке – кольцо с огромным, как на приеме в «Ритце», камнем.

Мои воспоминания об этой ночи по большей части обрывочны – сплошные экранные помехи. Блеск камня попал мне в глаз, как осколок зеркала тролля, и меня накрыло гневом. Помню перекошенное лицо Эллы, когда она захлопнула дверь ванной у меня перед носом, помню, как брызнули щепки дешевой древесины, когда я ударом ноги выбила эту дверь. Помню вкус виски с медом – с утра мама лечила им мое горло, саднившее от вчерашних воплей, и горячечную пелену тоски перед глазами, когда я увидела наутро, что она и не подумала снять кольцо.

Женщина, которая спустя шесть недель вышла замуж за Гарольда, не была моей матерью. А вот женщина, которая сейчас делала его несчастным, куда больше походила на знакомую мне Элли, выходящую из долгой спячки.

Водитель Гарольда затормозил у входа в Уайтчепел, и мой желудок подпрыгнул, как на американских горках. Одри убрала телефон в сумку и выскочила из машины так стремительно, что к тому времени, как я коснулась ногой асфальта, она уже растворилась в толпе богатеньких подруг.

Всю свою школьную жизнь я провела в качестве новенькой – и это всегда было отвратительно. И неважно, идешь ты в начальную школу в каком-нибудь захолустье или в предпоследний перед выпуском класс в Уайтчепеле – элитной академии в Верхнем Ист-Сайде, которую тебе оплачивает Гарольд. Везде одно и то же: замкнутые группки, оценивающие взгляды, ни единой души, способной вести себя независимо.

Мою обычную понедельничную апатию усугублял глубинный страх. Я везде высматривала рыжеволосого мужчину. Он проломил ограду, отделявшую меня от самого странного, похожего на сон дня из моего детства, и снова приблизил его. Единжды обнаружив свое присутствие, он мог оказаться где угодно, кем угодно: парнем, который вроде бы говорит по телефону на углу Восемьдесят Шестой улицы... Утренним бегуном со стаканчиком из «Старбакса» в руке... Может, я войду в свой класс и встречу его там в облике замещающего учителя, с зеленой книгой в руках. Я нервно разгладила форменную юбку и перевела дыхание.

Расписание на первую половину дня включало литературное мастерство, средневековую литературу, матанализ – а потом обед. После обеда меня ждало сценическое мастерство в компании Одри и ее компашки Будущих Жен Миллионеров. Это был единственный урок, который она никогда не прогуливала – скорее всего, по той причине, что вел его бывший телеактер с пышной шевелюрой, который требовал у учеников называть его просто Тоби.

Но сегодня, вопреки обыкновению, Одри где-то застряла. Ее отсутствие означало, в частности, что в классе осталось четное количество учеников, чтобы разбить их по парам для чтения диалогов в конце урока.

И когда Тоби начал размахивать своими вельветовыми руками, спонтанно назначая каждому партнера, сбылось мое дурное предчувствие: я попала в пару с Эллери Финчем.

5

Вообще-то бедные в Уайтчепеле не учились, но богатство семьи Финча – это был совсем другой уровень. Еще в те времена, когда Одри надеялась меня впечатлить, она устроила мне Гугл-ликбез о лучших людях школы (читай: самых богатых). Она показала мне фотографию Финча на каком-то мероприятии. На снимке он был на пару лет младше и выглядел эксцентричным ботаником, зажатым между роскошной блондинкой и красивой темнокожей женщиной с ожерельем, которое понравилось бы Элле: что-то вроде падающих звезд, нанизанных на цепь.

Финч был худой и невысокий – чуть выше меня, но весь его облик так и кипел энергией, которая окружала его, словно аура. Волосы его, казалось, растут сразу во всех направлениях, быстрые глаза были кофейного цвета – чуть светлее, чем его кожа. Одевался он примерно как Боб Дилан на старых фотках: тяжелые рабочие ботинки и штаны с высокой талией. Представления не имею, как он добивался, чтобы форменные школьные штаны сидели на нем так высоко.

Все это не имело для меня абсолютно никакого значения – все, кроме одного: Финч знал, кто я такая. Большинство этого не знало, а если бы и знало – вряд ли кто озаботился бы. Подумаешь, внучка какой-то давно забытой литературной знаменитости, почти никому не интересной в современном мире – особенно в школе, где в благотворительных целях порой объявлялись мероприятия вроде уроков игры на гитаре, даваемых звездным родителем кого-нибудь из учеников. Только своим обычным невезением я могу объяснить тот факт, что в Уайтчепеле обнаружился целый один представитель вымирающего вида фанатов Алтеи Прозерпины, и именно он умудрился выяснить, кем я ей прихожусь. Финч подкараулил меня у шкафчика в раздевалке еще в мою первую неделю в новой школе.

– Привет, ты ведь Алиса Прозерпина?

– Кто тебе это сказал?

Финч просиял. Я уже видела его на уроках, он даже показался мне симпатичным парнем, – но в тот момент мне ужасно хотелось стереть эту ухмылку с его лица.

– Одри. Не то чтобы она мне именно сказала... – он сделал боб-диланский жест рукой – достаточно красноречивый, чтобы объяснить без слов, почему Одри скорее пойдет закупаться одеждой в секонд-хенде, чем снизойдет до разговора с ним.

– Я – Алиса Кру, – тихо поправила я, глядя ему через плечо. Мама давным-давно решила отказаться от претенциозной бабушкиной фамилии ее собственного изобретения и щедро предложила мне выбрать себе любую фамилию по вкусу. Я выбрала эту в восемь лет, после того как прочла «Маленькую принцессу»⁵.

Парень согласно кивнул.

– Понял. Прозерпина – это немного слишком. В смысле, уж я-то знаю. Технически, я сам – Эллери Оливер Джан-Нельсон-Абрамс-Финч. – Он заметил выражение ужаса на моем лице и усмехнулся. – Да, честно. Часто интересуются, что выходит, если женятся двое людей, у каждого из которых составная фамилия с дефисами. Вот это самое и выходит. Я решил остановиться на Финче.

Проходящие мимо нас ребята кивали Финчу, а меня мерили специальными взглядами «для новеньких». Я должна была давно к этому привыкнуть, но никак не могла.

– Очень увлекательно, Финч, – сказала я более ядовито, чем собиралась. Он сморгнул, но не отступил.

– Книга твоей бабушки – это нечто особенное, – сообщил он, понизив голос. Я отлично знала этот тон: благоговейное бормотание религиозного фанатика. Он всегда вызывал у меня острый дискомфорт – и еще что-то вроде ревности, в исследование которой я не хотела углубляться.

– Я ее никогда не видела, – отрезала я, шумно захлопнув шкафчик. – Ты наверняка знаешь о ней больше моего.

Я даже не была уверена, что это ложь. Загвоздка была в том, что наверняка мы знали об Алтее одно и то же и из одинаковых источников – из вторых рук. С тем исключением, что Финчу посчастливилось прочесть книгу. Прежде, чем он успел сказать что-нибудь еще, я протолкалась сквозь толпу в раздевалке и ретировалась по коридору.

Судя по всему, наш первый разговор должен был бы стать и последним, но Финч обладал талантом всюду попадаться мне на пути.

Сперва я наткнулась на него в парке – он совершал пробежку. Сначала я подумала, что он убегает от хулиганов, но разглядела на его ногах противоестественно белые кроссовки и догадалась, что красивая вельветовая курточка и джинсы – это его тренировочная одежда.

– Алиса! – окликнул он меня на бегу счастливым голосом; волосы летели за ним по воздуху, лишь слегка придерживаемые наушниками.

Неделю спустя я наткнулась на него в книжном на Пятьдесят седьмой улице. Получилось, как в плохом кино: я вытащила с полки толстенный потрепанный том Йейтса – и в отверстии между книгами обнаружился Финч, вернее, кусочек Финча в окошке с Йейтса шириной. Он задумчиво грыз ноготь и читал Пэтти Смит.

В третий раз я встретила его под маркизой дорогого ресторана в квартале от дома Гарольда. Высокие окна были распахнуты, но все равно большинство посетителей сидело за мраморными столиками, вынесенными наружу. Финч делил столик с мужчиной, в котором я по фото в Интернете опознала его отца, и костлявой стриженной блондинкой, ковырявшейся ножом в мисочке с крем-брюле. Финч поймал мой взгляд раньше, чем я успела отвернуться, и вскочил, как на пружинках. Не прошло и пары секунд, а он уже вылетел из-за стола и зашагал рядом со мной.

⁵ «Маленькая принцесса» – классический детский роман Ф. Э. Бернетт. Главную героиню зовут Сара Кру.

– Ты меня просто спасла, – сообщил он. – Я там уже отключаться начал. Думал, моя жизнь прошла в созерцании, как моя мачеха четверть часа заталкивает в себя кусочек десерта, а все воспоминания о прошлом – просто программа Матрицы. Привет, Алиса!

– Привет, – нервно отозвалась я. Я как раз шла с работы, так что моя блузка была вся в крошках печенья, а волосы от пота торчали, как иглы.

– Ты пахнешь кофейными зернами, – сказал парень, когда мы дошли до угла. – Прекрасный запах! – Он с тоской оглянулся на ресторан, лицо его было таким страдальческим, что я чуть не рассмеялась. – Ладно, боюсь, мне придется вернуться туда.

– Наблюдать за мучительными пытками десерта.

Его улыбка на долю секунды коснулась глаз, как солнечный блик на темной воде. Потом он развернулся и пошел обратно.

После той встречи он взял за обыкновение по утрам поджидать меня у шкафчика в раздевалке, прислонясь к нему в характерной позе, напоминающей фильмы восьмидесятых.

– Привет, Кру, – обычно говорил он, пока я жонглировала учебниками, выбирая нужные на сегодня, и в конце непременно подхватывал книжку-другую, чтобы помочь мне донести их до класса. У дверей класса он возвращал учебник с таким видом, будто это была понятная только нам двоим шутка. Внимание Финча служило мне щитом. Теперь в школе я была не только странненькой приемной сестрой Одри, но и приходилась кем-то Финчу... Только вот кем? Объектом благотворительности?

Подругой?

Не совсем то слово – но довольно близко к действительности. Я почти ни с кем не общалась. Не потому, что другие не пытались идти на контакт – в любой школе найдется доброхот, готовый удочерить новенькую. К тому же я выгляжу безобидно – миниатюрная блондинка с темными глазами, с мягким и удивленным взглядом, который меняется только когда я злюсь.

«Какая же ты милая, просто сладкая кисонька, – как-то раз сказал мне один учитель – тихонько, чтобы никто не расслышал. Это было в Нэшвилле, в мою первую неделю в девятом классе. Слова учителя и то, как он на меня при этом смотрел, проникли мне под кожу, как яд. Я нашла способ излить этот яд наружу – выплеснула термос горячего кофе на клавиатуру его ноутбука. Меня не поймали. Однако с тех пор я страстно возненавидела несоответствие моего отражения в зеркале тому, как я себя на самом деле ощущала.

Но с Эллери Финчем все было иначе. Я выросла в атмосфере, пропитанной волшебными сказками и злой судьбой, работавшей точно, как механизм, так что не особо верила в совпадения. С Финчем нас действительно *что-то* связывало. Я никогда не могла определить, что именно, однако это нечто заключалось в самом его существовании. Может, это была наша связь через Алтею, может, то, как постоянно пересекались наши пути – словно у конькобежцев, выписывающих восьмерку. А может, мне просто хотелось снова и снова видеть игру света в его глазах, от которой по моей коже пробегала волна жара.

Странно, что место Одри пустовало – она никогда не пропускала сценическое мастерство, – однако я приняла ее загадочное отсутствие как дар небес. Она слишком любила находить в людях слабые места и тыкать в них пальчиком. За нами с Финчем, например, она с удовольствием наблюдала с таким выражением, будто смотрела сериал.

Мое предчувствие оправдалось – Тоби определил нас в пару, при этом подмигнув со значением. Это меня страшно смутило, я так и вспыхнула от стыда – не только за себя, но и за него. Учителя, которые любят сватать учеников друг другу, – зрелище столь же жалкое, как и те, что позволяют бегать за собой девочкам-подросткам с крашеными губами.

Я притворилась, что ищу что-то на дне рюкзака, ожидая, когда краска отхлынет от щек. Наконец я пересела к Финчу, который уже открыл для нас книгу – «Стеклянный зверинец» Теннесси Уильямса.

– Привет, Кру.

– Привет, Финч, – отозвалась я.

– Будешь читать за Лору – или давай я?

Я терпеть не могла Лору – она слишком походила на персонажа сказки. Не такой, как писала моя бабушка – насколько я знала, ее женские персонажи пили кровь или устраивали еще что покруче. Нет, Лора принадлежала к худшему виду красоток из сказок братьев Гримм: нежная, тихая, ожидающая, когда наконец прискачет на коне кавалер и спасет ее. И внешность у нее наверняка была вроде моей.

– Бери Лору ты, – быстро сказала я.

Следующую четверть часа мы читали диалоги. Финчу это удавалось на редкость хорошо. Большинство учеников не старалось, а те, кто старался, переигрывали и говорили ненатуральными сценическими голосами – виной тому был школьный миф, что Тоби на самом деле тайно ищет среди нас актерские таланты. Надо было видеть, как, например, та же Одри натужно кривляется в роли Кошки Мэгги⁶.

Когда прозвенел звонок, Финч подчеркнуто протянул мне руку на прощание – как будто пародируя собственный жест. Это была черта его характера – постоянная нотка самоиронии. Как будто он приглашал других посмеяться над ним раньше, чем это произойдет без его участия. Постоянная роль новенькой располагает к углубленному изучению антропологии на примере американских школьников, и парни такого типа мне уже попадались в прошлом. Собственно, мне попадались парни любого типа.

Я чуть помедлила, но ответила на его пожатие.

– Надо бы нам как-нибудь встретиться не случайно, а намеренно, – предложил Финч, слегка задержав мою руку в своей. – И где-нибудь вне школы. Как тебе такая идея?

Я отняла руку, лихорадочно перебирая в уме причины ответить отказом. Я постоянно нужна Элле... Мы все равно скоро уезжаем... Нас преследует злая судьба... Может, Элла и думала, что это все – лишь сон, но после прошлой ночи я не собиралась на это покупаться.

Финч явно нервничал. Голос его слегка дрожал, так что последнее слово растянулось, будто он заикался. Его приятели наблюдали за нами от дверей – длинный тощий парень, чьего имени я не помнила, потому что оно было одним из немногих нормальных в этой школе – Майк? Марк? – и Астрид, девчонка с косой, которая почему-то смотрела на меня глубоко уязвленным взглядом.

– Ладно, – сказала я. – Давай.

Он улыбнулся и отступил на несколько шагов, засунув руки в карманы. Мимо проскочила, слегка толкнув меня, одна из подружек Одри – со специальным смешком, намекающим, что она слышала наш разговор. Финч нервно обернулся, я проигнорировала ее и кивнула ему на дверь, стараясь поскорее собрать вещи в рюкзачок – от смущения руки плохо меня слушались.

Неужели это все? Посетившая меня мысль была похожа на строчку песни. Загадочное нечто между нами, которое росло, как живое, и притом не пугало, мерцая где-то на задворках разума, как радостная тайна... Неужели это всего-навсего такая глупость, как школьный романчик? Мы усядемся рядом за столиком в кофейне, и Финч попытается взять меня за руку?

Я быстро прокрутила в уме историю нашего общения – вот я ему грублю, вот он пытается быть смешным, вот мы молча идем рядом по коридору – и мысль о том, что ему этого мало, что ему нужно от меня что-то еще, пробежала по моей коже, как чьи-то потные пальцы.

Я вспомнила слухи о Финче, которые дошли до меня вскоре после нашего первого разговора, – такие истории всегда лезут из щелей в маленьких школьных сообществах вроде Уайт-чепела. Из-за этих слухов я прекратила отшивать Финча – потом появились и другие причины, но эта была первая. Кое-что о новой жизни отца Финча с новой женой. Кое-что о его матери,

⁶ «Кошка» Мэгги Поллит – главная героиня пьесы Т. Уильямса «Кошка на раскаленной крыше».

о таблетках, о ванной, запертой изнутри... Мама Финча была в своем роде знаменитостью в узком кругу, так что подробности ее смерти обсуждались в новостях.

Все это заставило меня подмечать некоторые мелочи – то, как внезапно погасали глаза Финча, когда он не шутил и не смеялся. И то, что он шутил и смеялся больше всех, кого я знала. Может быть, между нами и впрямь наблюдалось некоторое сходство. Мы оба вели себя на людях наилучшим для выживания образом, а истинную сердцевину держали в тайне даже от себя самих.

6

После занятий я долго топталась у школьных ворот в ожидании Одри. Но ни она, ни лимузин Гарольда что-то не появлялись. Я проверила время на телефоне, набрала половину сообщения и удалила его. С каждой минутой росла вероятность того, что сейчас из школы выйдет Финч и заметит меня. Когда желание избежать этой встречи стало нестерпимым, я пошла пешком.

Звук мотора я услышала раньше, чем увидела сам автомобиль – старую развалюху-такси желтого цвета, медленно тащившееся рядом со мной по дороге. Слишком большие автомобильные крылья придавали этой колымаге такой вид, будто она сбежала из старого фильма. С зеркала заднего вида свешивалось украшение – плюшевая игральная кость.

Сердце мое подпрыгнуло – но волосы водителя были черными, не рыжими. Он показался мне не сильно старше меня самой, когда опустил переднее стекло и высунулся наружу.

– Вас подвезти? – парень выглядел из-под козырька странной кепки, которую иначе как таксистской назвать язык не поворачивался.

Обычный нью-йоркский таксист так никогда не спросит. Он голосом робота пробубнит: «Куда едете?» – а если ответ ему не понравится, то он помотает головой и потеряет к вам интерес.

– Нет, спасибо, – ответила я. – Мне не нужно.

– Уверены? – карие глаза водителя были хитрыми. – Мне кажется, за вами сегодня не приедут.

Что-то в его интонации задело кнопку тревоги в самой потаенной части моего сознания. Той части, которая на темной улице внезапно приказывает перейти на другую сторону или немедленно сменить вагон метро, когда входит кто-то подозрительный.

– Я и не ждала, что за мной приедут, – соврала я.

– Тогда почему бы самой не взять такси?

Я взглянула прямо на него – в его узкое, смуглое лицо, в насмешливые глаза, – и пошатнулась от внезапного головокружения. Я никогда не встречала этого парня – но *знала* его. Просто не могла вспомнить, откуда и каким образом мы познакомились. Манера речи тоже чем-то его выдавала – он говорил со мной как со знакомой, как будто этот диалог мы вели не в первый раз.

Я отступила на шаг. И еще на шаг, и еще, – а потом просто развернулась и побежала по улице. Рюкзачок болтался у меня в руке и колотил по лодыжкам. Какая-то ярко накрашенная старуха в мехах попробовала нахмуриться, когда я ее толкнула, но ботокс не дал ее коже собраться в морщины. Я втиснулась в толпу туристов, дружно фотографировавших огромный капкейк, словно специально похожий на Печенькового Монстра, вписалась плечом в угол, но умудрилась сохранить равновесие и продолжить бег. Двухэтажный автобус вывернул из-за угла и промчался так близко от меня, что поднятый им ветер откинул назад мои волосы. Желудок у меня внутри подпрыгнул, мальчишка в автобусе успел показать мне средний палец. Я почувствовала себя так, словно надралась вусмерть.

Еще квартал я прошла на ватных ногах. Похожим образом я чувствовала себя много лет назад, когда пронесившийся мимо фургон задел мой велосипед, так что я вылетела из седла и приземлилась на тротуаре, среди припаркованных машин. Элла тогда выронила сигарету, мигом подхватила упавший велосипед и погналась на нем следом за фургоном, во все горло выкрикивая угрозы. Я поднялась на ноги, колено и локоть были разбиты в кровь, и с удовольствием следила за погоней – Элла знала, что я предпочту месть утешению.

Дыхание мое восстановилось, но во рту страшно пересохло. Я остановилась купить бутылку воды у киоска и бегло просмотрела первые страницы свежих газет, пока продавец отсчитывал сдачу. *«Сенатор замешан в крупном финансовом скандале на фоне кампании...», «В серии убийств на севере штата отмечена закономерность...»*

– Купи и читай сколько влезет, – продавец хлопнул загорелой ладонью по странице, на которую я смотрела.

Я картинно закатила глаза, взяла свою воду и решила срезать дорогу через парк. Мне отчаянно хотелось домой, к Элле, причем сию минуту. Таксист, автобус, рыжеволосый мужчина – я должна немедленно обо всем ей рассказать. На самом деле следовало поговорить с ней еще вчера ночью, не теряя времени. Нетерпение подгоняло меня, так что последний квартал я пробежала; от тревожных новостей меня просто распирало изнутри.

Дверь в подъезд Гарольдова дома оказалась приоткрыта, и за столом не было видно консьержа. Я чуть замедлила шаг при виде этого, как ни глупо – ведь подъезд изнутри и снаружи просматривался тысяча и одной скрытой камерой, а для того, чтобы подняться на лифте – частном, поднимавшем непосредственно в квартиру Гарольда, – нужно было воспользоваться ключом, который вставлялся в отверстие внизу панели.

Я была на взводе, кожей чувствуя нервное возбуждение. И еще кое-что – ни на что не похожее присутствие злой судьбы, беды на подходе: ощущение, знакомое мне не хуже, чем запах маминых духов. Как будто кто-то проводит ладонью вдоль твоей руки, не касаясь ее, но все волоски на коже встают дыбом. Как будтоходишь в комнату, еще полную присутствием того, кто только что из нее вышел.

Может быть, Элла в этот момент уже пакует наши вещи. Я представила ее огромный чемодан в пятнах краски, распахнутый поперек Гарольдовой огромной кровати. Может, еще до вечера мы навсегда оставим Нью-Йорк, и все это – Одри, Гарольд, Финч, «Соленая собака», кофе и бискотти, жизнь в просторной квартире, где пахнет, как в супермаркете – растает и выцветет, как краски на палитре. В памяти останутся мелочи – особое «утреннее чувство», когда в шесть утра открываешь кафе, бруклинский ужин – китайская еда с доставкой на дом прямо в постели, чтение «Тэм Лина» на скамейке в Проспект-парке... Остальное развеется на автостраде.

Двери лифта разъехались в стороны, и я вышла в прихожую.

Первое, что меня поразило, – это запах. Влажный и какой-то гниlostный, напоминающий о диких зверях, о бурной растительности. Запах мгновенно проник мне под кожу и заставил сердце колотиться как бешеное.

– Эгей?

Квартира казалась угнетающе пустой; тяжелая тишина давила на барабанные перепонки. Она поглотила мой голос, как темная вода. Я сделала несколько шагов вперед по вестибюлю – стены мягкого кремового цвета, мраморный пол без единого пятнышка.

И этот запах. Откуда он вообще? Я вытащила телефон и позвонила маме – телефон сразу перешел к голосовой почте. Позвонила Гарольду – то же самое. Помедлив минутку и борясь с дурным предчувствием, я набрала Одри.

Конфетно-сладкая попса из глубины квартиры разорвала тишину. Телефон Одри! Я никогда не видела, чтобы эта девчонка хоть где-нибудь появилась без него. Впрочем, я сегодня ее вообще не видела, кроме как утром, по дороге в школу. Мой мозг лихорадочно перебирал версии, одна ужаснее другой. Одри мертва? Откуда этот ужасный запах? Злая судьба выследила нас и на тридцать пятом этаже высотки? Старый ужас растекался по моему телу изнутри.

Я беззвучно двинулась дальше, как будто, если двигаться тише, это могло защитить меня от ожидавшего внутри. В комнатах висело зловещее ощущение чьего-то недавнего присутствия, знакомое мне по тому случаю, когда в нашей съемной квартире побывал взломщик. Он тогда зачем-то снял все книги с полок и на их местах разложил еду из холодильника. Постели были засыпаны сухой листвой, зеркала разбиты... Ничего ценного не пропало, зато взломщик зачем-то прибил над нашей с Эллой кроватью меховую шубку, распылив ее, как шкуру убитого животного, и воткнул посередине разделочный нож.

Наша квартирная хозяйка тогда не затыкаясь повторяла, какая удача, что ничего не пропало, но ее фальшиво-бодрому голосу невозможно было верить. Самое неприятное было, что я с тех пор уже не могла перестать воспринимать наш дом глазами того, кого там быть не должно. Я постоянно представляла, каково это – вторгаться в чужое пространство и позволять себе там любые странные действия, какие можешь придумать. Это ощущение будило во мне голод. И очень ослабляло мой самоконтроль.

Но здесь все вроде бы лежало по местам. Никаких мокрых кусков мяса на книжных полках, никаких шубок, распыленных на стенах.

Только одно: на кухонной стойке для готовки – опрокинутый винный бокал. Я подошла достаточно близко, чтобы различить мазок помады Эллы на его крае. На одну ужасную, странно растянувшуюся секунду воображение нарисовало мне ее тело здесь же, на кухонном полу – но нет, был только бокал и натекшая лужица вина. Кухня была белоснежным сердцем невротически чистого дома Гарольда, так что разлитое вино выглядело в нем, как кровавая бойня.

Я бросилась в спальню мамы и Гарольда в ужасе от того, что вот сейчас я войду – и увижу хрупкую фигурку Эллы на этой ужасной антикварной кровати...

Это видение так ясно представлялось мне, что, когда я рывком распахнула дверь, мне потребовалась пара мгновений, чтобы осознать, что комната пуста. На прикроватном столике Гарольда высились аккуратные стопки «Экономиста» и электронная книга *Kindle*, битком набитая космической фантастикой, как мне было известно из-за привычки совать нос в чужие гаджеты. На стороне кровати, принадлежавшей Элле, лежали слаксы и кардиган, явно приготовленные в качестве утренней домашней одежды. Я наклонилась и заглянула под кровать, приподняв кружева покрывала. Пусто.

Комната Одри выглядела как место генерального сражения компаний *Sephora* и *Barney's*, но это было в норме вещей. Под туалетным столиком не прятался никакой маньяк, вонь исходила явно не от остатков недопитого сока *BluePrint* в бутылочке. Розовый, как клубничная жвачка, телефон валялся на кровати, на экране мигали непрочитанные сообщения и пропущенные звонки. *Сучка, ты где?*

Свою комнату я оставила напоследок. Здесь запах был сильнее всего – бешеное сочетание дикого леса и гнили, отупляющее, будто кто-то обхватил мой мозг грязными руками. Я осторожно опустилась на пол, готовая в любой момент сигануть в ближайшее окно, если кто-нибудь обнаружится под кроватью. Но там был только квадрат вычищенного ковра. Дверь

шкафа была распахнута, и в нем, слава Богу, не было ничего более страшного, чем мимозное платье подружки невесты, которое я надевала на свадьбу Эллы и Гарольда.

И наконец я заметила это. Письмо у меня на подушке. Я подобралась к нему маленькими шажками и наклонилась. На конверте от руки был написан адресат – *Алиса Прозерпина*. И никакого обратного адреса.

Кажется, все внутри у меня лопнуло осколками и завертелось, как в калейдоскопе. Как сквозь пелену я увидела собственную руку, берущую письмо, подносящую его к лицу. Дешевые чернила, старая бумага. Лицо мое горело, а руки покрылись гусиной кожей. Я разорвала конверт.

Внутри лежал лист бумаги, мягкий от постоянного использования, сложенный пополам. Меня накрыло острым дежавю.

Да, это была титульная страница из книги, которую я уже видела много лет назад. «Трижды-Алиса», гласила надпись курсивом. Заголовок был украшен фрактальным орнаментом, напоминавшим кристаллы льда. Один край страницы был неровным – там, где ее поспешно вырвали из книги.

7

Я так сильно вцепилась в страницу, что порвала ее. Наконец я осторожно присела на край кровати.

«Трижды-Алиса», сказка, которую я так и не дочитала. Все это выглядело как детская игра – девчонки играют в такое по ночам в детских лагерях, шепчут загадочные слова в зеркало, когда свет погашен. Давным-давно, когда я держала в руках книгу моей бабушки в первый и последний раз, я понадеялась, что меня назвали Алисой в честь ее персонажа, что она имела отношение ко мне. Теперь я молилась, чтобы это оказалось не так.

Губы мои были сухими, как земля. Наверное, здесь побывал рыжий мужчина. Это все его рук дело. У него ведь есть экземпляр книги. И он явился Бог весть откуда, чтобы меня отыскать.

Нужно было срочно выбираться из квартиры. Ее стены начинали на меня давить, смыкались вокруг, молчаливо наблюдая. Я затолкала книжную страницу в рюкзак и побежала к лифту.

В подъезде все еще не было консьержа, так что я не могла спросить, не видел ли он, как Элла уходит. Консьерж, впрочем, всякий раз смотрел на меня особым взглядом – как на доставщицу пиццы, которая однажды вечером привезла заказ и до сих пор не удосужилась убратся, так что, пожалуй, я в любом случае не стала бы его спрашивать.

Я мерила вестибюль шагами, то и дело поглядывая на улицу. Я трижды позвонила Элле – она не брала трубку. Я проклинала себя за то, что у меня нет никаких контактов ее знакомых – например, коллег с бывшей официантской работы, хотя в последнее время мама с ними никак не общалась. Я попробовала еще раз набрать Гарольда – тот же результат.

В раннем детстве меня постоянно мучил страх, что мама может уехать и не взять меня с собой. Когда однажды этот страх настолько усилился, что не давал мне уснуть, я вышла к машине и пристегнулась на пассажирском сиденье, чтобы мама меня точно не забыла, если ей придет в голову уехать ночью. Теперь меня охватило похожее желание – убедиться, что наша машина все еще стоит у Гарольда в подземном гараже.

Гарольд еще не сделал для Эллы копию ключа от гаражного лифта – должно быть, боялся, как я в детстве, что она внезапно уедет из города. Но запасной ключ точно был у консьержа, и я пошла обыскивать его стол.

Огромная связка ключей лежала рядом с недоеденной порцией суши из японской забегаловки. Я быстро огляделась на случай, если он вдруг нарисуетя у меня за спиной с палочками для еды в руке, но вестибюль оставался пустым. Прижав связку ключей к груди, чтобы они не звенели, я прокралась к лифту, спускавшему в гараж.

Когда мы спускались на парковочный этаж впервые, я ожидала, что гараж Гарольда окажется беломраморным, с узорной плиткой на полу. Но он был таким же, как все на свете подземные гаражи – бетонной коробкой, слегка пахнувшей автомобильными выхлопами. Нашу машину я разглядела еще из дверей лифта – она скромно притулилась между «мерседесом» и «БМВ». Какой-то придурочный ребенок богатеньких родителей пальцем вывел матерное слово на ее грязном заднем стекле.

Я долго смотрела на машину, словно пытаюсь себя убедить, что она и правда здесь. Достаточно долго, чтобы тени в гараже стали казаться слишком длинными, а на языке появился привкус пыли и железа – привкус злой судьбы. Я отступила в глубь лифта и давила на кнопку «Вестибюль» до тех пор, пока двери не закрылись.

Когда я вернулась на улицу, было около пяти. Как и всяким погожим ранним вечером, Нью-Йорк разыгрывал свою любимую пьесу, выступая в роли самого себя. В такие вечера он заставляет вас забыть кучи мусора на улицах, или ужасные сэндвичи по двадцатке за штуку, или парня, который в час пик в поезде метро расстегнул перед вами ширинку... А всего-то линия горизонта подергивается золотом, в лицо ударяет запах жареных орешков, а рядом на тротуаре вырисовывается брат-близнец Леонардо ди Каприо, что-то бормочущий в свой мобильник. Дешевый трюк, но всегда срабатывает.

Однако сегодня он не сработал, потому что в моей крови кипел адреналин, а мозг все старался заглянуть за угол чужого нового мира, в котором я даже не представляла, как жить. Мира, в котором моя мама попросту *исчезла*. Я сходила с ума. Пропажу матери я обнаружила не более часа назад. Но этот конверт на подушке, казавшийся таким *неправильным*, и страх, угнездившийся у меня внутри, говорили, что я имею право паниковать.

Титульная страница. Что это – предупреждение? Приглашение? Ключ? Тот, кто оставил ее, заходил в мою комнату. Его рука зависла над моей подушкой, прежде чем опустить письмо.

Может, это насмешка? Он дразнит меня: *я тебя вижу, я неподалеку, запертые двери и ключи от лифта для меня не препятствие*. Но если это все-таки ключ к разгадке – и в сказке содержится нечто, намек или подсказка, – я должна ее прочитать. Где мне взять «Истории Сопредельных земель»? Я могла придумать только одно место.

Я пробежала восемь кварталов – хотелось слегка растратить тревожную энергию, электризовавшую тело. Я знала, где живет Эллери Финч, потому что его отец, Джонатан Абрамс-Финч, был богаче Господа Бога и поэтому жил в доме, по сравнению с которым дом Гарольда казался лачугой. О доме Финчей дважды писали в «Нью-Йорк Таймс», в разделе про стиль жизни. Не то чтобы я увлекалась чтением о том, как живут богачи, – зато этой темой живо интересовалась Одри, которую каждое упоминание мистера Абрамс-Финча заставляло долго и громко рассуждать о том, что такое удивительное богатство достается совершенно не сексуальным и скучным парням.

Консьерж в доме Финчей был похож на нашего, разве что старше. Завидев меня, он слегка скривил рот под роскошными седыми усами.

– Мне нужен Эллери Финч, – сообщила я.

Он сощурился.

– Кто-кто?

Я вздохнула.

– Эллери Джан-что-то-там-Абрамс-Финч.

Консьерж тоже вздохнул в ответ, как будто я прошла некий сложный тест, хотя он и был уверен в моем провале.

– Как вас представить?

– Алиса Кру. Нет, погодите – Алиса Прозерпина. Скажите, что его ждет Алиса Прозерпина.

Он поднял трубку антикварного телефона с диском и нажал на кнопку, а потом заговорил, зачем-то изображая – клянусь – британский акцент. Он извинялся в трубку за мое посещение и существование до тех пор, пока его собеседник не изъявил явного согласия спуститься ко мне, что заставило консьержа разочарованно задвигать усами.

Я не сводила глаз с лифта, украшенного в стиле ар-деко – такого красивого, что его хотелось разобрать на бижутерию. Урок сценического мастерства ощущался безумно далеким, но я все же вспомнила предложение Финча. И мой ответ. Накатила неловкость с любопытством вперемешку: как он может воспринять мое появление тут?

Я постаралась придать лицу бесстрастное выражение, но когда двери лифта разъехались, ничего не могла с собой поделать: мир подернулся слезами. Знакомое лицо Финча было как спасительный остров для тонущего пловца.

Глаза его расширились, он подался вперед, будто желая меня приобнять. Не давая ему на это времени, я с ледяной физиономией прошествовала мимо него в лифт.

– Э-гм, спасибо, что вышел. Я могу подняться наверх?

– Конечно, – ответил он. – Конечно, Алиса.

Я заметила, что ему нравится называть меня по имени. Или по фамилии, или использовать и то и другое. Наверное, в реальном мире это признак дружелюбия, но в сказках имена несут в себе опасность. Когда-то я размышляла, не потому ли Алтея сменила свое на нечто столь экстравагантное. Потемкинская деревня, роскошный фасад, за который никому не захочется заглядывать.

Я стряхнула с лица сказочную паутину. Это не какая-нибудь книжка, а реальная жизнь. Соберись, тряпка. Двери лифта сомкнулись, запечатав нас в небольшой роскошной комнатке. У стены – длинная кушетка в стиле Людовика XV, над головой – хрустальная люстра. Люстра. В лифте. Финч проследил мой взгляд и засмеялся раньше, чем это могла бы сделать я.

– Религиозные взгляды моей мачехи сводятся к тому, что не бывает слишком много шампанского, хитрых диет и уродских бриллиантов. Это вроде бы пословица, но я думаю, что она сама ее изобрела. – Финч снова занервничал, я заметила это даже сквозь собственный страх и жалость к себе, и почему-то от этого почувствовала себя немного спокойнее.

А также от того, что Финч не приставал ко мне с немедленными расспросами, зачем я засоряю своим присутствием его шикарный лифт. Нередко мне в жизни приходилось являться куда-то без приглашения – в компании мамы, с искусственной улыбкой, прилипшей к губам, с чемоданами, притулившимися у ног – и я научилась безошибочно различать, когда мне рады, а когда – нет. Эллери Финч точно не был мне не рад.

До сих пор я не видела апартаментов красивее, чем квартира Гарольда, но дом Финча – это был уже качественно другой уровень. Он как будто сошел со страниц добротного английского романа, где сплошь графские уголья, сезон охоты на фазанов и избирательное право. Так и ждешь, что откуда-нибудь из-за угла выйдет злобный мистер Дарси.

– Дома никого нет, кроме экономки, – сказал Финч. – Мачеха ушла на фитнес или не знаю куда, а отец вообще дома редко бывает. Быть императором потогонных фабрик даже хуже, чем надсмотрщиком на галерах.

Я не знала, что на это ответить, но Финч вроде бы и не ждал ответа. На меня он не смотрел. Я вслед за ним уставилась на ковер, уставленный предметами мебели, каждый из которых заставил бы Гарольда рыдать от зависти. Финч, должно быть, привык показывать дом

гостям, потому что сразу повел меня к смотровой площадке. Так странно было посмотреть из высокого стрельчатого окна – и увидеть внизу не туман над вересковыми болотами, а ранний вечер над Центральным парком. Этот вид заставил меня забыть грубость об отце, которую Финч только что сказал.

Он дал мне несколько минут насладиться зрелищем, потом улыбнулся – снова нервно, как с самого начала.

– Итак. Ты здесь.

– Я здесь.

– Ты хотела... увидеться со мной. Намеренно.

Боже мой. Он повторял слова, которыми в школе приглашал меня на свидание.

– Нет! Я не за этим, я просто...

– Я пошутил. Извини. Я знаю, что шучу ужасно глупо, просто не умею вовремя остановиться.

Он явно ждал, что я заговорю, что-то объясню, а мне хотелось одного – затормозить время. Я не убирала руку с телефона, звонок был поставлен на максимальную громкость, но оскверненная вторжением квартира Гарольда сейчас отошла куда-то очень далеко. До того, как Элла наконец отзвонится, мне было некуда идти. И чем скорее я получу от Финча то, что мне нужно, тем быстрее снова останусь одна.

– Можно мне попить чего-нибудь? – выпалила я.

В глазах его мелькнуло любопытство, прежде чем он вернул им свое обычное спокойно-доброжелательное выражение. То, которое он носил как щит.

– Конечно. А перекусить не хочешь?

– Хочу, – ответила я, слегка покривив душой. – Просто умираю от голода.

Финч повел меня в кухню. Экономка по имени Анна выглядела как девушка Бонда, вышедшая на пенсию... А голос у нее был как у злодейки из бондианы, на пенсию отнюдь не вышедшей. Лет ей было около шестидесяти, и она кудахтала вокруг Финча, как любящая тетушка, пока пекла для нас бесконечное множество крохотных блинчиков с сахарной пудрой, к которым полагался красный ягодный джем. Мы почти не разговаривали за едой, но тишину естественно заполняли уютное шкворчание масла на сковороде и голос Анны, которым она приговаривала что-то незначущее, взбивая тесто. Когда мы наконец наелись досыта и перемазали руки в джеме, она подала нам изящные чаши для омовения рук, что казалось немного слишком для быстрого перекуса после школы. К 7 часам вечера и наши пальцы, и кухня снова были совершенно чистыми. После чего Анна поцеловала Финча в лоб, подхватила свою огромную сумку Мэри Поппинс и была такова.

Мы остались вдвоем в пустом доме, набитом дорогой техникой и роскошной мебелью.

– Итак, – начала я. – Ты, наверное, удивляешься, зачем я пришла.

– Что меня в самом деле удивляет, так это имя, которым ты назвалась консьержу. Прозерпина.

– Ну да, к слову. Я надеюсь, что ты мне кое с чем можешь помочь.

Мой голос дрогнул, и это не укрылось от внимания Финча, который сразу сосредоточился.

– Мне нужно прочесть книгу моей бабушки. Надеюсь, она у тебя есть.

Он заморгал, слегка обескураженный.

– погоди. Ты хочешь сказать, что никогда ее не читала?

– Угу. Я хотела. Но ее очень трудно найти.

– Неудивительно, что трудно. Мой экземпляр достался мне только благодаря... ну, благодаря возможностям моей семьи. Собственно, это единственный подарок, который я попросил у моего отца на Хануку. Думаю, он специально сгонял кого-то из стажеров за книгой в Грецию.

От облегчения у меня заслезились глаза.

– Значит, она у тебя есть?

– *Была*. Ее украли.

Блинчики с джемом мигом обратились в кислоту у меня в желудке.

– Как? Украли – у тебя из дома?

– Нет. Прямо у меня из *рук*. Я дружу с одним букинистом, владельцем магазина редких книг, так вот он никогда не держал в руках экземпляра «Сопределья». Я сам не идиот и знаю, сколько стоит эта книга, так что я поехал к нему на такси...

К тому же ты слишком богат, чтобы ездить на метро, подумала я – но не сказала.

– Книгу я привез запакованной в специальный пластиковый пакет, а в магазине даже не оставлял моего друга одного с ней в руках – он отличный старичок, я с ним подружился, когда охотился за первыми изданиями, – но все равно некоторые ценности не стоит никогда упускать из вида. Так что он натянул нитяные перчатки и перелистывал страницы осторожно, как в фильме про Индиану Джонса, когда из книги может появиться демон, в общем, впал в прострацию, как бывает с коллекционерами. И тут дверь магазина распахивается – и вбегает этот мальчишка. Мелкий, лет восемь-девять на вид. Я на всякий случай подхватываю книгу – даже не подумав всерьез, что мальчишка может ее украсть, да и вообще разобрать, что это такое. Но маленький говнюк подскочил, прыснул мне что-то в глаза – не газ, к счастью, а какой-то аэрозоль – и выхватил книгу. Я настолько этого не ожидал, что держал ее совсем не крепко. Потом я бросился за ним, но было уже поздно – его за дверью ждало такси, он прыгнул в машину и укатил.

Я таращила на Финча глаза.

– Что за бред.

– К сожалению, не бред, а правда.

– Но зачем ему понадобилась эта конкретная книга? Что вообще ребенок забыл в магазине редких книг?

– Думаю, кто-то ему заплатил за кражу. Какое-то время я даже подозревал, что это все спланировал мой друг-букинист, но мы все же друзья, и нельзя быть таким параноиком. Так что я решил, что третье лицо перехватывало наши с ним сообщения о книге. Может, кто-то, специально настроивший отслеживание любых электронных писем с упоминанием «Историй Сопредельных земель».

– А это, по-твоему, не паранойя?

– Тонко подмечено. В свою защиту скажу, что на самом деле я в это не очень верю. Просто эта книга... особая. На свете полно изданий, которые полностью распроданы, и все же их можно отыскать. «Истории Сопределья» должны встречаться в библиотеках, в читальных залах, на *eBay* – но их там нет. Либо кто-то задался целью собрать у себя весь тираж, либо... – он выразительно пожал плечами. – Либо еще что-то. Даже сканы страниц в сети отсутствуют.

Финч был прав. *Должно* существовать хоть что-то – какой-нибудь фанат мог отсканировать книгу, перепечатать отдельные сказки, рисовать к ним фан-арт... Но не было решительно ничего.

Нет – *почти* ничего. В четырнадцать лет я нашла в сети фрагмент книги – кусочек одной из сказок.

Мы тогда жили в Айова-Сити, и мое увлечение Алтеей было в те времена моим главным – да и единственным – секретом. Четыре года поисков книги по букинистам и сведений об авторе по сети, четыре года пренебрежения книгами, которыми пыталась заинтересовать меня Элла, ради одного вида литературы – волшебных сказок, которые я глотала не жуя. Сперва я ограничивалась классическим пантеоном, потом расширила границы. Чем дальше, тем страннее, тем темнее. Сказки со всего мира. Мне было интересно, как близко с их помощью я смогу подобраться к Алтее.

Но именно в Айове мой секрет довел меня до предательства: в Айове я начала общаться с фанатами Алтеи.

Слово *фанаты* Элла обычно выплевывала, как вишневую косточку. И это имело основание: те фанаты, которых я лично встречала – моя учительница английского в шестом классе, или совершенно чокнутая аспирантка, которая зажала нас в угол в супермаркете «Фейрвей» в наше первое пребывание в Нью-Йорке, или биограф Алтеи, который преследовал Эллу и пытался добраться до нее через меня – собственно, хуже он придумать просто не мог, – все эти люди казались карикатурными психами, их объединяло несвежее дыхание и отсутствие у них своей настоящей жизни.

В сети все выглядело по-другому. Здесь я встречала фанатов, похожих на меня саму: кому-то ужасно понравилась книга Алтеи, кого-то и при невозможности найти книгу зацепила сама личность писательницы. *Идея* Алтеи, тянувшаяся за ней, как хвост кометы, прежде чем исчезнуть во мраке. Я просыпалась – и сразу ныряла в свою интернетную кроличью нору. Голодная, неумытая, едва Элла уходила на работу в бар в пешеходной зоне, я начинала свои поиски в сети. Когда вечером она возвращалась, пропахшая дешевым пивом и жидкостью для розжига, я захлопывала ее ноутбук с деланно скучающим видом.

Она верила мне, потому что мы никогда не лгали друг другу. За исключением тех случаев, когда лгали.

Воспоминания об Айове у меня такие же тоскливые, как сам этот штат. Серая весна, унылые дома, сточные канавы с ярким девчачьим мусором – ленточками, заколками, однажды даже парой розовых трикотажных шорт. Из этой унылой череды выделялась только одна ночь – когда я с головой ушла в Интернет, перескакивая со страницы на страницу, из блога в блог, пока наконец не оказалась на сайте DeviantArt с разделом, полным отрывков из сказок Алтеи, оформленных изысканно, как страницы священной книги.

Я водила по пиксельным картинкам кончиками пальцев. Они были прекрасны – и к тому же содержали больше текста Алтеи, чем мне случалось видеть с того дня в чужой мансарде. Мое сердце отбивало неровные удары, когда я кликом увеличила длинную страницу сказки под названием «Морской погреб».

Я начала читать. Я была слегка нетрезва – приложилась к скверному яблочному вину, которое сделал тогдашний бойфренд Эллы, поставивший у себя на заднем дворе винный пресс. Пить в одиночку было грустно и неприлично, а сказка обеспечивала что-то вроде компании – как будто я в тысячный раз потянулась к далекой Алтее и наконец получила отклик.

История начиналась с того, что юная невеста отправляется в долгий путь к дому своего будущего мужа и по прибытии находит его ярко освещенным, но совершенно пустым. Я успела прочесть несколько абзацев – про невесту, про путешествие, про роскошный покинутый всеми дом, – когда вдруг на ноутбуке сам собой включился огонек камеры.

Замерев, я пару секунд смотрела в ее яблочно-зеленый глазок, прежде чем со стуком захлопнуть крышку ноутбука.

Дома было тихо; в ушах стоял тонкий тревожный звон. Я оглянулась на пустые окна, чувствуя на затылке чей-то взгляд. Страх приковал меня к месту.

Я чуть приподняла крышку ноутбука – достаточно для того, чтобы зажать пальцем глазок камеры – после чего открыла его целиком. Зеленый огонек погас, браузер был закрыт, а история моего поиска – полностью удалена. Я метнулась в кухню, нашла там черную изоленту и залепила ею камеру, потом задернула шторы, включила свет и забралась в кровать, ожидая возвращения Эллы.

К тому моменту я была достаточно взрослой, чтобы понимать, что Алтея не следит за мной. Однако как раз тогда я начала подозревать, что это делает кто-то другой.

Элла ничего не спросила у меня о залепленной изолянтной камере, но где-то неделю спустя я все равно себя выдала – уснула за ноутбуком, где была открыта фанатская дискуссия об использовании Алтеей нумерологии. Проснувшись я от шумного вдоха Эллы и от того, что ее черные волосы щекожут мне лицо. Она наклонилась, чтобы захлопнуть ноутбук ударом кулака.

– Какого. Гребаного. Черта. Алиса?!

Элла никогда так со мной не разговаривала. Таким тоном она могла обратиться к пьяному первокурснику, пытающемуся взять в ее баре виски, или к очередному кавалеру, вышедшему из себя оттого, что мы опять уезжаем. Или к квартирному хозяину, который завел привычку слишком часто к нам заглядывать, и всегда в те моменты, когда одна из нас была завернута в банное полотенце.

«Ты мне никогда этого не запрещала», – дурацкое оправдание, первым пришедшее мне на ум. Конечно, ей не было нужды запрещать. Я и без того знала, что это табу. Оно выражалось во всем, что она умалчивала, в том, как вздрагивали ее плечи и голова наклонялась вперед, словно у боксера перед боем, едва кто-нибудь пытался заговорить с ней об Алтее.

В тот момент я ненавидела свою мать, поэтому сказала кое-что гораздо хуже.

– Почему мы совсем одни? – этот вопрос прорастал во мне годами. Я не думала, что посмею когда-нибудь задать его вслух, пока не сделала это. – Почему мы одни, если мы не обязаны так жить?

Рот Эллы приоткрылся от изумления. Она медленно опустилась на стул, как будто у нее болели кости. Тогда – в первый и последний раз в нашей жизни – она поступила со мной жестоко.

– Думаешь, она хочет быть твоей бабушкой? – спросила она чужим голосом. – Думаешь, я не знаю, что ты смотришь на снимок ее большого дома в том журнальчике и мечтаешь: ах, только бы она позвала меня жить к себе. – Элла помотала головой. – У тебя нет шансов. Алтее ты не нужна. Так что хватит мучить себя пустыми мыслями о том, как все могло бы быть. В *этой* жизни существуем только ты, – она указала на меня пальцем, – и я, – она ткнула себя пальцем в грудь. – Понятно?

Я чувствовала себя так, будто она меня публично раздела. Даже подымавшаяся волна гнева покинула меня. Прошло несколько бесконечных секунд, прежде чем Элла потянулась и прижала меня к себе, уже начиная плакать, но я вывернулась из ее объятий и сбежала в уборную.

Я была маленькой демонстративной душой. Устроила себе в ванной постель из полотенец – только для того, чтобы нас с Эллой разделяла дверь. Но к утру я уже решила, что она права. Довольно держать дверь открытой для совершенно чужого человека.

– С этим покончено.

Это было единственное, что я наутро сказала Элле. Она не сказала в ответ ничего – ни «Дай мне слово», ни «Как я могу тебе верить», ничего подобного. Она просто поверила мне, и все. И я не солгала. Я завязала с Алтеей, как завязывают с наркотиками, и не давала ей места в своей жизни – до вчерашнего дня, когда мой прежний похититель объявился в кафе с ее книгой в руках.

– Алиса?

Я моргнула, глядя на Финча.

– Извини. Так что ты сказал?

– Я спросил, знаешь ли ты, что случилось с фильмом, который сняли по книге. По мотивам сказок.

– Только то, что было в «Ярмарке тщеславия». Тайнственные исчезновения, вот это все.

– А что режиссер умер вскоре после окончания съемок, ты слышала?

– Финч, ты знаешь больше моего. Так что просто рассказывай.

Он явно смутился.

– Извини, что я выделяюсь. В общем, так. Режиссер умер, погиб в автокатастрофе, это было где-то в семидесятых. Его имущество продали с аукциона, в том числе – оригинальную пленку «Сопределья». Ее купила богатая коллекционер, которая ее крутила исключительно на частных показах. Потом и она умерла, а пленку завещала американскому Институту кинематографии, но ее так и не нашли.

– Что ты имеешь в виду?

– Что пленку не нашли. Потеряли, или уничтожили, или она попала в какую-нибудь еще частную коллекцию, в общем, никто не знает, где она. Так что «Сопределья» – один из немногих в прямом смысле слова потерянных фильмов того десятилетия.

– Вернемся к книге, – предложила я. – Ты снимал какие-нибудь копии? Фотокопии страниц, например?

– Я об этом думал. Конечно же, думал. Но мне казалось неправильным вот так ими делиться с другими. Как будто это вроде насилия.

– Насилия над кем? Над Алтеей?

– Над историями, – ответил Финч. – Это ведь вроде... вроде договора между людьми, которые их читали. Если тебе удалось добыть книгу, ты заслужил ее, а не удалось – значит, не заслужил.

Лицо его было таким серьезным и благородным, что мне хотелось отвесить ему пощечину.

– Ну и третий вариант – если тебе купил книгу богатый папенька и ты получил все на халяву.

Это его здорово рассердило – я заметила по тому, как напряглись его руки, сжавшие край столешницы. Но он заставил себя рассмеяться и спокойно продолжил:

– Знаешь, утрата этой книги – один из самых больших обломов в моей жизни. Утешает только то, что я успел прочитать ее примерно миллион раз.

– Значит, ты должен помнить все истории, по списку?

– Конечно. Сразу после кражи книги я пришел домой и записал в столбик их названия, чтобы ничего не забыть. Которая тебя интересует?

– «Трижды-Алиса», – автоматически сказала я. – Что это значит? О чем она?

– Да, это одна из самых страшных, – кивнул Финч и нахмурился. – Погоди, а твоя мама тебя случайно не в честь нее назвала?

Мои глаза метнулись к телефону, который беззвучно лежал на столе экраном вниз. Ни единого слова от нее... И ни от кого другого.

– Я так не думаю... Хотя теперь уже не уверена.

Финч внезапно снова смутился.

– Хочешь, я тебе кое-что покажу? Давно хотел с тобой этим поделиться, но передумал, когда...

– Когда я повела себя как задница при твоей попытке заговорить об Алтее?

Финч улыбнулся, но возражать не стал.

– Так ты хочешь теперь посмотреть? Это про нее.

– Да. Однозначно.

– Тогда пошли. Оно наверху, у меня в комнате.

Мы поднялись по винтовой лестнице на третий этаж, который целиком принадлежал Эллери. Ковер здесь был синий, как шкура Гровера из «Малет-шоу», и таким толстым, что ноги в нем утопали. Здесь пахло лучше, чем я могла ожидать от любой комнаты, занимаемой парнем. Честно говоря, это была и не комната, а целая отдельная квартира. Первое помещение было оборудовано под бильярд и домашний кинотеатр; стены здесь украшали подсвеченные

логотипы разных марок пива – ставлю миллион баксов, что эта идея принадлежала не самому Финчу, а какому-нибудь дизайнеру интерьера. Стиль для «юношей из высшей школы».

– Не обращай внимания на этот храм Святого Будвайзера, – попросил Финч, буквально протаскивая меня к дальней двери.

Вот за дверью, действительно, было настоящее жилище Эллери Финча. Студия с высоким потолком, мягким светом из скрытых источников и широким окном во всю стену. В середине высился письменный стол, здоровенный, как саркофаг, но куда более изящный; на столе – книги, ноутбук и лампа с зеленым абажуром – прямо как из штаб-квартиры тайной политической партии. В остальном просторное помещение было практически пусто, как монашеская келья, если не считать того, что три глухие стены были до потолка заставлены книгами.

– Тут не все мое, – пояснил Финч. – Раньше эта комната использовалась как видимость библиотеки, со всеми этими тяжеленными справочниками в кожаных переплетах, купленными на распродажах. Но я годами избавлялся от них, заменяя настоящими ценностями.

Мне захотелось вытолкать хозяина из комнаты и запереться здесь в одиночку на месяц-другой.

– Книги закупаются на складе? – я все же постаралась подать реплику. – Звучит жестоко.

– Так и есть. Это специальная услуга для богачей, которые хотят придать своему дому интеллектуальный вид, а читать не любят. Вот моему отцу тоже религия запрещает книжку открыть. – Он тронул пальцами губы. – Тут по большей части альманахи, старые реестры и тому подобное, но можно случайно наткнуться и на что-нибудь стоящее. Так вот о том, что я хотел тебе показать.

В дальнем конце комнаты была еще одна дверь, приоткрытая на пару дюймов. Наверняка она вела в спальню Финча, и я уже смирилась с тем, что туда заглянуть не удастся. *На что там смотреть?* – сказала я себе. – *Какой-нибудь винтажный постер группы «My Bloody Valentine» над небранной кроватью да старинная пишущая машинка «Underwood» для украшения. То еще зрелище.*

Финч осторожно вытянул из стеллажа книгу. При виде зеленой обложки сердце у меня подпрыгнуло. Но эта книга была больше форматом и затянута в прессованную кожу с декоративными трещинками. Финч аккуратно положил ее на стол.

На обложке блестел словами витиеватый шрифт: «Моя голливудская история».

– Посмотри на этого придурка, – Финч открыл титульную страницу, с которой на нас глянул черно-белый снимок парня вроде Валентино с высоко взбитыми набриолиненными волосами. На лице у него было больше макияжа, чем у Одри после вечеринки в стиле ретро.

– Венсан Каллэ, – представил его Финч. – Французский актер, снялся в паре американских фильмов в сороковых. Один раз сыграл злого бойфренда Мирны Лой, что довольно круто. Вот пишет он так ужасно, что даже смешно, но я в истории кино полный ноль, так что больше половины пролистывал. – Он раскрыл книгу на середине, где была вкладка с фотографиями. – Итак, старичок Венсан с Анитой Экберг на вечеринке... О, тут видно, как делается этот его хохолок на голове... Вот, смотри – вот что я имел в виду.

Я склонилась над страницей. Пожилой Венсан со своей самодовольной ухмылкой за столиком ресторана – слащавый, в неестественной напыщенной позе. Рядом с ним – миленькая блондиночка, сплошные ресницы и пышный бюст, улыбка в камеру. По другую руку Венсана сидел молодой мужчина с завитыми волосами и боксерским телосложением. Его глазам, нацеленным на декольте блондинки, не хватало разве что пририсованных стрелок, как в комиксе. А рядом с этим боксером сидела моя бабушка, совершенно не вяжущаяся с остальной компанией, как будто перенесенная сюда с другой фотографии.

Я глянула на подпись под снимком. «*Слева направо: неизвестная женщина, Каллэ, Теди Шарп, Алтея Прозерпина. 1972.*»

Значит, ей двадцать восемь, ее книге – всего год. Я всматривалась в ее лицо. Неуловимая красота того типа, что содержит в себе секрет, так что хочется смотреть снова и снова, пытаясь его вычислить. Характерный изгиб брови, маленький шрам на губе – как если бы она в детстве упала на роликовых коньках. На ней была узорчатая блузка без рукавов, короткая стрижка казалась небрежной – пряди волос беспорядочно спадали на лоб. Пальцами правой руки она рассеянно касалась подбородка, и на указательном виднелось то же самое тяжелое кольцо с ониксом, что и на фотографии на обложке ее книги. На безымянном пальце было еще одно кольцо – в виде свившейся кольцами змейки.

– Она на тебя похожа, – заметил Финч.

Ничего подобного. Если я выгляжу как домашняя «кисонька», то бабушка – вылитая рысь.

– У меня шрам на подбородке, а не на губе, – я потрогала белый рубец на коже – память об одной особенно неприятной встрече со злой судьбой.

– Ты же поняла, что я имею в виду. Это, наверное, взгляд. У тебя такой взгляд, будто ты думаешь сразу миллион мыслей, но вслух не скажешь.

Я терпеть не могла непрошенных комплиментов, если это, конечно, был комплимент, – так что не отвела взгляда от Алтеи.

– В этой книге есть о ней что-нибудь?

– Ничего. Знаешь, как я вообще открыл ее существование? Через эту фотографию. Я прочитал весь раздел о 1970-х, надеясь узнать о ней хоть что-то. – Он задумчиво потер подбородок. – Все из-за... из-за ее лица, понимаешь? Она выглядела так, будто я точно должен ее знать. К тому же это имя... Это странное имя. Наконец я нашел ее в Гугле, с чего и следовало начинать, и так вышел на ее книгу. Книгу нигде не удавалось отыскать – ни оригинала, ни даже репринтов, только старые статьи и прочие мелочи. Все короткие – кроме того интервью для «Ярмарки тщеславия». Я стал просто одержим идеей прочесть эту книгу, главным образом потому, что ее нигде не было.

– Она хорошая?

– Хорошая? – он на миг задумался. – *Хорошая* здесь не совсем подходящее слово. Она просто переносит тебя в очень странное измерение. Я как раз переживал некоторые семейные обстоятельства, когда она попала мне в руки. И это оказалось ровно то, что нужно. Книга создавала определенное состояние сознания... – Финч глянул на меня, чуть сощурившись. – Только не смейся. Примерно так действуют любовные песни, когда влюбляешься. С поправкой на чернуху, потому что настроение у меня тогда было довольно чернушное. В этих историях много тьмы. Хотя теперь я уже не разберу, какая часть этой тьмы была в самих историях, а какая – у меня в голове. В любом случае я в них просто влюбился. И правда ужасно жалею, что не смогу их перечитать.

– А я-то как жалею.

Он, должно быть, услышал настоящую тревогу в моем голосе, потому что и сам серьезнел.

– Почему именно сейчас? Не похоже, чтобы ты... Мне казалось, что ты не особо хочешь о ней разговаривать. О твоей бабушке. Что-то изменилось?

Я открыла рот, и все внутри сжалось от замешательства. Столько всего: рыжий мужчина, вонь в пустой квартире.

– Сегодня я пришла домой из школы, – начала я.

Финч молча ждал. Мы смотрели друг на друга в мягком свете ламп. Его карие глаза смотрели открыто и прямо.

– Я вошла в квартиру и увидела, что там кто-то побывал – кто-то проник туда. Везде висел этот странный запах, ну и по всему было видно.

– Запах? Это было... что это было?

– Не то, что ты думаешь. Тот, кто вломился в квартиру, оставил кое-что для меня. У меня на кровати.

Финча передернуло на слове «кровать».

– Господи. И что это было?

Я вытащила конверт и разгладила книжную страницу на столе. Финч замер, потом медленно протянул руку и коснулся ее, как реликвии.

– Не может быть, – выдохнул он.

– А еще моя мама, – что-то во мне сопротивлялось, не желая произносить это вслух, как будто, если скажу, все, что случилось, станет правдой. – Ее нигде нет. Я не могу до нее дозвониться – ни до нее, ни до кого-либо из родственников. Я не знаю, что делать. И еще случились всякие странные вещи, если я попробую объяснить, ты решишь, что я свихнулась...

Глаза Финча были прикованы к странице. У него был такой вид, будто он хотел ее обнюхать и попробовать на зуб.

– Финч?

Он поднял глаза, и взгляд его изменился – произошел переход из режима фаната обратно в режим друга.

– Погоди-ка. – Он ласково взял меня за руку. Он был ненамного меня выше, так что наши глаза оказались примерно на одном уровне. – Кто-то вломился к вам в квартиру и оставил в твоей комнате нечто довольно редкое – и, с учетом обстоятельств, довольно зловещее. А теперь ты не можешь дозвониться до матери. Что, если она сейчас в полиции, дает показания? Мне очень жаль, что это все с тобой случилось, но не думаю, что стоит паниковать. Ты не пробовала позвонить бабушке? Просто на всякий случай?

Я резко вырвала свою руку.

– Ей позвонить невозможно. Она умерла.

Финч вздрогнул.

– Что? Нет! Я бы об этом знал.

– Почему это *ты* должен был об этом знать?

– Потому что на свете есть Интернет, а она – знаменитость. Ну, бывшая знаменитость. В любом случае, у всех бывает некролог. Она не могла *умереть*.

В груди у меня все горело.

– Вот давай ты мне не будешь сейчас доказывать, что моя мертвая бабушка не умерла, Финч. Это одна из худших на свете тем для спора.

– Черт. Ты права, я сморозил глупость. Но все это очень, очень странно. – Он долго смотрел на меня, будто прикидывая что-то. – Так. Ладно. Но твоя мама наверняка в порядке, я уверен, что есть объяснение.

– Нет, ты не уверен.

– Куда бы все ни подевались, в любом случае тебе не стоит возвращаться домой в одиночку. Давай пойдем вместе, может, кто-то уже вернулся. Или я могу разглядеть на месте что-то, что ты пропустила.

Вот оно. Под маской заботы обо мне скрывалось жгучее любопытство. Голод. Я давала Элле слово держаться подальше от фанатов Алтеи, но это не гарантировало, что они тоже будут держаться подальше от меня.

– Забудь обо всем, что я сказала, – я резко поднялась на ноги, отшатываясь от стола, и подхватила рюкзачок.

– Что-то не так?

– Я не разговариваю с фанатами.

Я думала, что ледяной тон отпугнет его или хотя бы разозлит – и он огрызнется, мол, ну и катись отсюда, я просто хотел тебе помочь. Но он, вопреки моим ожиданиям, смутился.

– Почему?

Я открыла было рот... и снова закрыла. Если разговор с фанатом считать предательством, то предательство уже совершилось. Слишком поздно было отступать.

– Сама не знаю, – наконец ответила я.

– Тогда почему бы нам не попробовать со всем разобраться вместе? Мне кажется, тебе больше не к кому с этим идти.

Финч произнес это мягко, но все равно я почувствовала стыд.

– Вот и неправда. Я могу пожить у своей подруги. У Ланы.

Возможно, я и правда могла пойти к Лане, но она делила съемную квартирку в квартале Гованус с двумя другими студентками-скульпторами, а еще с половиной клезмерской группы. Ну и называть ее подругой было некоторым преувеличением.

– Но ты пошла не к Лане, – отозвался Финч. – Ты пошла ко мне.

Я попробовала вспомнить, когда в последний раз мне случалось так долго смотреть в глаза другому человеку. Кому-нибудь, кроме Эллы. Я страстно желала не нуждаться в нем, но мысль о том, что придется выйти наружу в одиночестве, наполняла меня холодным отчаянием. Квартира Гарольда превратилась в инопланетную пустыню – через нее прокатилось нечто, не принадлежавшее этому миру. Я просто не могла оставаться одна с этим чувством.

Я ненавидела хотеть чего-то от других, не имея ничего, что дать взамен. Хотя можно было бы подумать, что человек с моим детством должен к этому как минимум привыкнуть.

– Ладно, идем, – выдавила я с огромным облегчением. – Извини, что все это случилось посреди учебной недели.

Финч глянул на меня удивленно, будто я ляпнула колоссальную глупость – а даже если и ляпнула, то все равно обидно, – и на минутку отлучился в спальню. Он скользнул туда так быстро, притом прикрыв за собой дверь, что у меня появились новые предположения об убранстве этой комнаты. Что у него там – по стенам постеры с полуголыми красотками на «феррари»? Или разбросанные повсюду носки?

Нет, стоп. Это же не скверный подросток из дурацкого сериала. Это нью-йоркский юноша из богатой семьи, с татуированной на плече цитатой Воннегута.

Надо признать, мне очень нравилась его татуировка.

Через несколько минут Финч вернулся – в синей куртке на молнии, с кожаной сумкой через плечо, знакомой мне по школе.

– Ты готова?

Хотелось бы мне, чтоб его голос не звучал так восторженно, о чем я ему и сказала.

– А он звучит восторженно?

– Да. – Я досчитала до трех, вдыхая мир и выдыхая гнев, как учила меня Элла с того дня, когда я в детском саду сломала палку о голову девочки. Эта мантра слегка помогала. – Это не развлечение, договорились? Не игры в сказки Алтеи Прозерпины. У меня мать пропала.

– Ох, – он опустил глаза. – Я совершенно не хотел выражать восторгов и все такое. Просто мне приятно куда-то пойти с тобой вместе.

Правда, что ли? – хотела усомниться я, но инстинкт самосохранения помог мне сдержаться. Все-таки я умела себя контролировать.

Той же дорогой мы вернулись к дому Гарольда. Стол консьержа по-прежнему пустовал.

– Вот еще что – я с утра не видела нашего консьержа. Странно, да?

– Весьма странно, – тихо подтвердил Финч, осматривая подъезд. Он постоянно оглядывался, стоило нам войти в здание, и старался прикрывать меня собой, как будто в любой момент ожидал стрельбы.

– Пусти-ка меня... не глупи, я собираюсь вызвать лифт!

Он смущенно пропустил меня вперед, и я вставила ключ в отверстие. И не могла не отметить невольно, что по сравнению с лифтом Финча, этот выглядит не лучше, чем уборная на автозаправке.

Мы поднялись в квартиру в тревожном молчании. Когда двери лифта разъехались, все мое тело звенело от напряжения. Я была готова закричать, или затаить дыхание, или сразу наткнуться на маму – на губах у меня уже складывались слова, которые я выкрикну ей в лицо за то, что она меня заставила так волноваться. Но вестибюль был совершенно пуст.

– Боже, этот запах, – прошептал Финч.

И тут я заметила нечто, от чего перехватило дыхание: портфель Гарольда на столике в коридоре.

Головокружительное облегчение нахлынуло на меня – вкупе с острым смущением перед Финчем, которого я напрасно сюда притащила.

– Эгей! – крикнула я в глубь квартиры. – Мама! Гарольд! Кто-нибудь?

Тишина. А за ней – звук быстрых шагов. Из-за угла в вестибюль резко вырулил отчим. Его бритое лицо было багровым. Я никогда еще не была так рада его видеть.

– Гарольд! А где моя ма...

Слова застряли у меня в горле. Гарольд держал в руке пистолет – настолько типичный и похожий на все пистолеты из кинофильмов, что он даже казался игрушечным. И этот пистолет мой отчим направлял прямо мне в грудь. Финч издал придушенный звук и резко задвинул меня себе за спину.

– Гарольд, какого черта, – выдохнула я, сопротивляясь Финчу. – Это же я!

– Я отлично знаю, кто это, – отозвался Гарольд. Он так сильно стискивал зубы, когда не говорил, что кожа вокруг его губ натянулась и побелела. Я за несколько метров чувствовала его запах – смесь одеколона и тошнотворного пота.

Мое сердце выдавало помехи, как сломанный мотор.

– Гарольд. Гарольд, где моя мама?

– И ты еще смеешь смотреть на меня, как будто это я – чудовище, – сказал он.

– Что? – во рту так пересохло, что язык сухо скребся о губы.

– Это все было настоящее, так? И Элла – она и вправду... – он издал какой-то глухой скрежет.

Злая судьба, преследовавшая меня по жизни, сошлась в одной черной точке – в дуле его пистолета.

– Пожалуйста, – умоляюще сказала я. – Пожалуйста. Что ты с ней сделал? Где она?

– Я с ней *сделал*? Я сделал все, чтобы она была счастлива – а заодно и ты, девчонка, которая смотрела на меня как на чужака в моем собственном доме, как будто я недостойн касаться своей жены! – ствол пистолета дрогнул и опустился чуть ниже, словно рука Гарольда увядала, как стебель.

Ты и недостойн, подумала я – но как-то отстраненно и тускло. Пистолет все еще покачивался где-то на уровне талии Гарольда. Если он выстрелит, попадет мне в колени.

– А теперь еще и это, – продолжал он. – Вы притащили все это в мою жизнь. Моя дочь могла погибнуть.

– Погибнуть? – я вспомнила телефон Одри, забытый на кровати. – Они не ранены? Элла и Одри?

– Думаешь, я поверю, что тебе есть до этого дело? – он шагнул вперед и грубо сгреб меня за плечо, другой рукой не отпуская пистолета. Я замерла как вкопанная. Гарольд ни разу ко мне не прикасался с тех пор, как мы обнялись на свадьбе, чтобы порадовать Эллу. Я почувствовала, как напрягся Финч, пока Гарольд смотрел на меня в упор своими голубыми пиратскими глазами. Отчим встряхнул меня, будто проверяя на прочность.

– Не трогай меня, – выдохнула я и рванулась – и в этот же момент Финч схватил Гарольда за руку.

– Отпустите ее сейчас же, – выдавил он сквозь зубы.

Гарольд коротко простонал и поднял пистолет. Мы с Финчем отшатнулись.

– Я любил ее. Я ее так любил, а она каждый день лгала мне.

– Сэр, – заговорил Финч, его голос был ровным и спокойным. – Направьте пистолет на пол. Мы сейчас развернемся и покинем это помещение. Только извольте, пожалуйста, направить пистолет в пол.

– Мы никуда не уйдем, – перебила я дрожащим, как палуба корабля, голосом. – Пока он не скажет мне, где она!

Послышался перестук каблучков по плиткам пола – за спиной отца появилась Одри с плотно набитой багажной сумкой в руках. Сквозь толстую маску ее макияжа проглядывал страх.

– Пап, – позвала она. Обычные нотки смеха и дерзости оставили ее голос, он звучал безумно устало. – Опустит эту штуку.

Секунду-другую Гарольд притворялся, что не слышит ее. Но наконец бросил пистолет на столик – тот приземлился с твердым стуком, от которого у меня заныли зубы.

– Твою мать увезли, – сказала Одри все тем же мертвым голосом. – Сперва они забрали и нас тоже, но потом отпустили. Мы зашли собрать кое-какие вещи – мы здесь не останемся, можешь передать им, если спросят. И не пытайся нас найти.

– Кто ее увез? *Кто они?*

Я заметила, что зрачки Одри сильно расширены – от шока или травмы.

– Сопредельные, – ответила она. – Так они себя называли – Сопредельные.

Больше всего мне хотелось отключиться – прямо здесь, на мраморных плитках. Адреналин, разлившийся в крови при виде пистолета, уже отхлынул, и тело мое было как резиновое – бескостное и дрожащее. Это слово – «Сопредельные». Опять Алтея.

– Как они выглядели?

Гарольд снова положил руку на пистолет.

– Убирайся к черту.

Я не думала, что у него хватит духу и впрямь меня пристрелить.

– Скажи только, куда они ее забрали – и я уйду. *Прошу* тебя.

– Выметайся.

Финч обхватил меня за плечи и уже тянул к лифту. Лифт ждал нас – его двери раскрылись с холодным «тиньк».

– Если нам понадобится вернуться, мы придем с полицией, – негромко предупредил Финч. – Или с людьми из охраны моего отца.

Я до последнего смотрела Гарольду в лицо, пока не сомкнулись двери лифта.

– Нет, мы не вернемся. Ноги моей больше здесь не будет.

8

Финч мог просто развернуться и уйти восвояси, как только мы оказались на улице. Или поймать мне такси, игнорируя тот факт, что мне больше некуда было ехать, и он это знал. Или использовать свой бездонный банковский счет и снять мне на ночь номер в гостинице, чтобы полностью от меня освободиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.